

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

ПОВЯЗАННЫЙ
КРОВЬЮ

Приграничье

Павел Корнев

Повязанный кровью

«Автор»

2007

Корнев П. Н.

Повязанный кровью / П. Н. Корнев — «Автор»,
2007 — (Приграничье)

ISBN 5-93556-880-2

Чем может пожертвовать человек, чтобы остаться самим собой? Честью, добрым именем, любовью? Кейн рода Лейми поставил на кон все – и теперь у него нет другого выбора, кроме как любыми средствами добиться заветной цели. И пусть за ним по пятам идут охотники за скальпами, инквизиторы и чернокнижники, он не из тех, кто останавливается на полпути. Вот только не слишком ли высокую цену Кейну в итоге придется заплатить?

ISBN 5-93556-880-2

© Корнев П. Н., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Часть первая	5
Трактир	5
Храм Серебряной Луны	11
Топь	24
Ярмарка	34
Геладжио. День первый	43
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Павел Корнев

Повязанный кровью

*Жили тут двое – горячая кровь,
Неосторожно играли в любовь,
Что-то следов их никак не найти,
Видно с живыми не по пути.*

«Пикник»

Часть первая

Пущенная стрела

*Я – пущенная стрела,
И нет зла в моем сердце, но
Кто-то должен будет упасть все равно.*

«Пикник»

Трактир

По-осеннему холодные серые струи дождя срывались с низких туч и пузырились на раскисшей дороге. Редкие порывы ветра швыряли брызги в лицо, и от их колючих уколов нестерпимо ломило уши. Надежды на скорое окончание ливня уже не осталось – наоборот, затянутое облаками небо темнело прямо на глазах. И, хотя окончательно дорогу пока еще не развезло, грязь весьма неохотно выпускала ноги из липкого плена.

Поскользнувшись, я прошипел проклятие, вырвал увязший почти по щиколотку сапог и побрел дальше. Да где этот чертов трактир?! Или это была неудачная шутка? Если так – не поленись вернуться и выпотрошить указавшего дорогу мерзавца.

К моему немалому облегчению, возвращаться не пришлось: сначала из-за стены дождя темным пятном выплыла остроконечная крыша, а мгновением позже вспышка молнии высветила закрытые тяжелыми деревянными ставнями окна. «Хромой кузнец». Наконец-то! А то уже начал опасаться, что в темноте прошел мимо.

Чтобы добраться до крыльца постоянного двора, пришлось свернуть на раскисшую от дождя тропинку, и грязь жадно зачавкала, пытаясь стянуть с ног сапоги. Да, зря решил напрямик срезать, надо до поворота дороги дойти было. Все не так бы устряпался.

Как же мне все это надоело! Дождь, холод, грязь... Все! А ведь станцуй тени судьбы немного иначе, давно бы уже сидел с кружкой пива в тепле и сухости...

Кое-как счистив о деревянную решетку у крыльца комья налипшей на сапоги грязи, я распахнул дверь и вошел внутрь. В трактире, к моему удивлению, оказалось полным-полно народу. Не так чтобы битком, но свободных мест совсем немного. А вечер-то уже довольно поздний. Впрочем, ничего странного: царившая на улице собачья погода желания покинуть теплое и сухое помещение не вызывала. Вот местные и сидят. Да и из проезжих немногие отчаянные головы решатся сегодня отправиться в путь: по такой непогоде далеко не уедешь. И полнолуние, опять-таки. Зачем судьбу лишний раз искушать?

Быстро освоившись в полумраке трактира, я выбрал место прямо напротив входа: приглянувшийся мне стол прятался под ведущей на второй этаж лестницей. Пока дошел, от густого запаха стряпни заурчало в животе. Ох, быстрее бы чем-нибудь перекусить, а то сейчас слюной захлебнусь.

Скинув промокший плащ на скамью у стены, я уселся на стул и убрал пару коротких клинков с пояса под плащ. Хоть бумаги нужные на границе и выправил, но ни к чему сейчас лишнее внимание привлекать: отряд церковных стражников в дальнем углу зала я заметил еще с порога.

Вот ведь защитнички! Голову об заклад даю – должны сейчас дорогу патрулировать, путников от лихих людей оберегать. Ан нет – сидят, пиво дуют да служанок тискают. Хотя, с другой стороны, какой тать в такую погоду на промысел выйдет? Да и гарнизон под боком. Не должны здесь лихие люди шалить.

Откинувшись на высокую спинку стула, я незаметно сунул руку под камзол и провел ею по повязке на левом боку. Ну и что там? Слава теньям, следов крови не видно. Надеюсь, рана закрылась окончательно. Нет, все-таки грех на судьбу жаловаться, пусть и пришлось пешком под дождем ковылять. Мог вообще на дороге с ножом в брюхе остаться.

Никто не спешил принять от меня заказ, да и сам я не торопил события, неспешно рассматривая набившийся в трактир люд. Денег в обрез и, если не удастся сойтись с трактирщиком на приемлемой для меня плате за ночлег, придется отправляться в путь. А в дорогу лучше пускаться отдохнувшим. И хоть немного просохшим...

Народ в трактире подобрался пестрый, и невольно я начал прикидывать, не может ли кто направиться в Геладжио. В хорошей компании путешествовать – оно веселее будет. А в моем случае так еще и быстрее.

Селяне за одним из двух центральных столов отпадали сразу. Сейчас нарубят тяпку и расползутся по хатам. Расположившимся неподалеку бородастым коротышкам тоже, думаю, со мной не по пути. Гномы, вообще, в этих местах гости нечастые: если мне не изменяет память, Анклав¹ в двух днях пути к югу. Но, поскольку никто из местных на них особо не тарашился, наверняка они тут по концессии разрабатывают одну из затопленных во время медного бунта серебряных шахт. Сюда могли заехать за припасами и в Геладжио им явно делать нечего.

Да и не возьмут они человека в компанию. Не в их это обычаях. Пусть у Империи с гномами отношения и неплохие складываются, карлики предпочитают держаться друг друга и людям не доверяют. А чтобы никто не стал навязывать им свое общество, у всех бородачей имелось по увесистому молоту на длинной рукояти. Впрочем, связываться с гномами желающих было немного: и сами коротышки отличались просто невероятной живучестью, и посольство их на вознаграждение для карателей² никогда не скупилось.

Нет, гномы тоже отпадают.

Стол в небольшой нише занял молодой дворянчик с челядью. Несмотря на непогоду, дорогая одежда паренька была сухой и чистой. Остановился до начала дождя или уже здесь переоделся? А что, мог и переодеться. С такого станется. Спеси-то вон, будто цельный эрл, а то и маркграф, но последний медяк³ на кон ставлю – парнишка простой эсквайр. Вот и с мечами у него только двое из слуг. Может, попробовать к ним в попутчики попроситься? Нет, не выгорит.

¹ Анклав – заселенная гномами территория Синих гор к юго-западу от Империи. С юга и юго-востока граничит с Восточным Норлингом, с запада омывается Олькским морем.

² Каратели – отряды, численностью обычно в две-три дюжины человек, занимающиеся розыском преступником, ликвидацией банд, реже участием в подавлении бунтов. Состоят на службе у маршалов (на землях, находящихся под прямой юрисдикцией Церкви подконтрольны Инквизиции).

³ Медяк – медная монета номиналом в щит. 10 щитов = 2 шлема = 1 корона. 1 золотой щит = 10 серебряных щитов = 500 медных щитов.

Разместившимся за соседним столом уроженцам Заозерья вполне могло оказаться со мной по пути, но я бы скорее предпочел путешествовать один, нежели в их обществе. Слишком уж вид у них подозрительный: загорелые лица, бритые головы, длинные усы, одежда, хоть и добротная, но весьма потертая, движения уверенные и неторопливые, как у привыкших к оружию ветеранов. Все вооружены: длинный меч, две сабли, боевой топор, прислоненное к стене короткое копьё с широким листообразным наконечником. Даже подумать страшно, сколько заозерцам пришлось отвалить в церковную казну золота за патенты. Или они на службе у кого из лендлордов состоят? Нет, вряд ли, больно уж рожи бандитские. Или вольные наемники, или еще какие искатели приключений на свою голову. Ни то, ни другое меня не устраивало.

Странно, и чего их из своих степей аж к Западному побережью занесло? Сразу видно, они здесь гости нечастые – местные на них чуть все zenки не проглядели. Никак на шаровары и короткие жилетки с украшенными сложной вышивкой воротничками насмотреться не могут. Тоже развлечение.

Нет, к заозерцам я даже подходить не стану. Вон – неведомо как затесавшийся к ним в компанию горец так весь и извертелся на месте, в сторону гномов поглядывая. Все знают: Медвежий склон с карликами кровники, им даже просто находиться в одной комнате друг с другом все равно, что шило в известном месте терпеть. Неровен час, какая заварушка начнется, а у меня и своих неприятностей хватает.

У противоположной стены за тройкой сдвинутых к камину столов расслаблялась ватага крепких парней. Судя по нашитым на плащи и куртки эмблемам – копьё и топор на золотом щите, – ребята были из Гильдии охранников. Вот это уже интересней. Раз они пиво трескают и им за это головы не поотрывали, значит, заказ выполнили и должны искать новый. А лучшего места для этого, чем порт, поблизости не найти. Глядишь, чего и получится.

В этот момент от наблюдений меня отвлек хриплый простуженный голос:

– Чего изволите?

Смотри-ка, сам трактирщик выполз из-за стойки, не стал дожидаться, пока служанки освободятся.

– Похлебать чего-нибудь. И вина горячего.

– Вина не держим.

– Тогда пива кружку. – Не держат они. А дворянчик что сидит лакает? Или он с собой привез?

Чернявый трактирщик, лицо которого, несмотря на обвисшие щеки, напоминало острую крысину морду, кивнул и, не проронив ни слова, направился к стойке. Видок у меня, наверное. Уж если хозяин захудалого трактира парой слов не перекинулся...

Вернулся толстяк, надо сказать, весьма быстро. Выставил с подноса на стол щербатую миску с густым луковым супом, кружку темного пива и ломоть намазанного куриным паштетом хлеба и, потирая волосатое запястье левой руки, выжидательно посмотрел на меня.

Ишь ты, как торопится! Не иначе, побыстрее избавиться хочет. И рядом ведь встал, не уходит. Сопит. Пялится. Денег ждет. Вот сволочь!

Ничего не оставалось, как расплатиться. Серебряная монета прокатилась через весь стол и исчезла меж пальцев трактирщика. Все, последний шлем⁴ разменял.

Теперь настал мой черед сверлить хозяина взглядом. Ну, давай, попробуй только сдачу зажать.

Покопавшись в кармане фартука, трактирщик небрежным движением бросил на стол несколько серебряных монеток. Нет, он точно издевается! Эх, не было бы стражников, набил бы морду и на вышибалу не посмотрел.

⁴ Шлем – здесь номинал монеты.

Ладно, что он там швырнул? На столешнице лежали три щита и еще три монетки помельче – в полщита каждая. Получается, трапеза обошлась мне в серебряк.⁵ Дороговато. Да ну и тень с ним. Не устраивать же скандал из-за пары медяков.

Еда несколько улучшила испорченное настроение. Суп оказался сытным и вкусным. А вот паштет подкачал. Гадость редкостная. Специй переложили? Какой-то вкус подозрительный. Впрочем, горькое и густое пиво быстро заглушило неприятный привкус.

Отставив пустую кружку, я облокотился локтями на стол и уставился на лежащие передо мной деньги. Шесть монет – это много или мало? Серебро, конечно, не медь, но, если заплатить за ночлег и завтрак, то на дорогу останется не так уж и много.

Точнее – почти ничего и не останется. И что делать? Не ночевать же в такую непогоду под открытым небом. Дождь как из ведра льет и холод собачий.

От невеселых раздумий меня оторвал стук входной двери. Надо же, еще кто-то кроме меня в такую погоду по улице шляется!

Вошедшим оказался один из селян, который перебрал и, видимо, выходил на улицу освежиться. Помогло ему это мало: на ногах он держался нетвердо, да и мотало его из стороны в сторону, как матроса во время шторма. Один из зигзагов привел пьяницу к столу гномов, и сидевший с краю коротышка брезгливо отпихнул его в сторону. Крестьяне заворчали, но в драку не полезли.

Врезавшийся в стену пьянчужка повис на перилах ведущей на второй этаж лестницы, перевел дыхание и вдруг, покачнувшись, чуть не свалился ко мне за стол. Вцепившись обеими руками в край столешницы, он замер, восстанавливая равновесие. Как ни странно, пивом от мужика не пахло. Может, дыма дурман-травы надыхался? Подняв взгляд от монет, я увидел его глаза и замер: точки зрачков начали медленно расползаться в две узкие вертикальные щели.

– Кровь... – еле слышно прошептал мужик. Вена на виске у него бешено пульсировала, а кожа туго обтянула лицо.

Оборотень, тень его! Да как его сюда занесло? И рану мою учуял, теперь просто так не отвяжется. Что делать? В голове лихорадочно замелькали мысли. До лежащих под плащом мечей дотянуться не успею. До кинжала на поясе или пары метательных ножей тоже. Да и не помогут они – даже не посеребрены. Заорать? Пока народ поймет, в чем дело, оборотень мне глотку вырвет. Стараясь не делать резких движений, я опустил ладони на столешницу. Может, обойдется?

Куда там! Морда – теперь уже морда! – оборотня вытянулась, из-под растянутых в оскале губ показались кончики клыков и послышался треск расползающейся по швам одежды. Ногти начали удлиняться – теперь они больше походили на когти – и с едва слышным скрипом вонзались в дерево столешницы.

Я прижал ладони к столу и напряженно следил за происходившими изменениями. Реакция оборотня намного превосходит скорость движения обычного человека, но когда начнет корезить хребет, у меня появится шанс. Надо только правильно выбрать момент.

Спину мужика выгнуло и я, резко выбросив вперед правую руку, воткнул большой палец ему в глаз. Он рванулся через стол, но мне удалось левым предплечьем заблокировать нацеленный в горло удар и вовремя отшатнуться назад. Острые когти только захватили кожаный обшлаг камзола, а уже в следующее мгновение перевертыш рухнул на пол и закрутился, прижимая лапы к окровавленной морде.

Сообразив, наконец, что происходит нечто из ряда вон, посетители трактира загалдели и повскакивали с мест. Не обращая внимания на поднышающую суматоху, я первым делом сгреб со стола пять монет и смел их в кошель.

⁵ Серебряк – серебряная монета номиналом в полщита.

Оборотень дернулся еще пару раз, процарапал когтями доски пола и затих. Все, похоже, издох. Вокруг тела начала растекаться лужа черной крови, завоняло мочой.

К моему столу сразу же набежала порядочная толпа, но вплотную подойти никто не решился: зеваки оживленно болтали и пихались, пытаюсь с некоторого отдаления получше рассмотреть скорченное тело оборотня. Боязливо протиснувшийся сквозь толпу один из церковных стражников замялся в двух шагах от оборотня, но, поймав грозный взгляд десятника, все же ткнул его под ребра древком короткого копья.

– Эта... Дак, вроде, того... – сипло выдохнул он и вытер стекавшую из-под скособоченного шлема струйку пота, – помер он...

Толпа сразу же качнулась вперед.

– Разойдись! А ну разойдись, кому сказано! – рыкнул десятник. – Сто плетей вам под хвост!

Грозный тон и тяжелая дубинка сделали свое дело – люди начали возвращаться за свои столы. Остались только непонятно откуда появившийся дьяк, усатый краснолицый десятник и заламывавший руки трактирщик. Стражники тоже далеко отходить не стали и топтались поблизости.

– Ты когда последний раз трактир святой водой окроплял, сучий потрох? – Вытерев с усов пивную пену, десятник ткнул дубинкой в фартук трактирщика и, не обращая внимания на его причитания, повернулся ко мне. – А как это ты его, паря, а?

Я неопределенно пожал плечами.

– Кто такой? – сразу посуровел стражник, с одного взгляда определив во мне чужака.

– Путник.

– Подорожная где? – дыхнул перегаром и запахом чесночной колбасы десятник. – Мечи твой? Собирайся в управу.

И когда только мечи заметить успел? Вздохнув, я очень медленно вытащил нож – сзади послышались быстрые шаги и шорох высвобождаемого из ножен клинка – распорол камзол и протянул стражнику влажные листы: подорожную и патент на ношение мечей. Не зря сбор заплатил, совсем не зря.

– Так, так... С клинком не длиннее локтя,⁶ значит, – пожевал губы тот, взял один из мечей и, вытащив веревку с завязанными узелками, приложил ее к мечу. – Не длиннее... Что ж, бумаги в порядке. Не цапнул он тебя, нет? Ну, ты, паря, в рубашке родился. Сходи в церковь, свечку поставь.

– Надо в Инквизицию сообщить. – Слова дьяка напугали трактирщика до полусмерти. – Мало ли где этот раб Божий заразился. И соседние деревни проверить лишним не будет.

– Дак, он и натворить-то ничего не успел, – залепетал в миг посеревший хозяин.

– А это уж мы решать будем, натворил он чего или нет. – Десятник многозначительно посмотрел на дьяка.

– Вы, уважаемые, конечно, решайте, а мне как быть? – Я выставил на всеобщее обозрение порванный рукав камзола.

– Ты здесь ночевать собрался? Вот хозяин тебе комнату и выделит. Без-воз-мез-дно. – С трудом выговорив сложное слово, десятник хитро прищурился. Все понятно, мне комнату, а мзду, чтобы в Инквизицию не сообщали, они с дьяком на двоих поделят. – Ведь выделишь, Роберто?

– Выделю, конечно, выделю! – часто-часто закивал головой Роберто.

Удовлетворенный его ответом, десятник махнул рукой двум стражникам, которые еще не успели вернуться за стол, и заорал:

– Людвиг, Антонио! Хватайте эту падаль и тащите во двор. Людям еще ужинать здесь.

⁶ Локоть – здесь около 40 сантиметров. Равен четырем ладоням или двадцати пальцам.

Я с досадой проводил взглядом тело оборотня, в глазнице которого осталась моя серебряная монета. Но не выковыривать же ее сейчас оттуда у всех на виду? Десятник сразу на нее лапу наложит. Для передачи отцам-инквизиторам, само собой. А с другой стороны, чего мне переживать? Вряд ли трактирщик сдал бы комнату всего лишь за полщита.

Да и вообще, что мешает мне вытащить монету завтра утром?

Храм Серебряной Луны

Маленький костерок горел в круге, сложенном из крупных речных гольшей. Языки огня лениво пожирали хворост и лишь иногда, когда попадалась особенно смолистая ветка, вверх взвивались длинные лепестки зеленоватого или ярко-желтого пламени. Да еще изредка раздавался глухой щелчок, и пылающий уголек исчезал в ночном полумраке.

Костер не давал много света и почти не грел, но этого и не требовалось: ночь была теплой, а полная луна в безоблачном небе заливала лесную опушку ярким серебристым сиянием. Служил он совсем для другого: игра огня помогала не задремать. И хоть особой необходимости в ночном дежурстве не было – охранное заклинание охватывало всю поляну, – но немного осторожности никогда не помешает.

Нет, жизнь все-таки странная штука. Еще ведь вчера утром твердо уверен был: этот вечер встречу в Геладжио. Но кто мог предположить, что к обеду я получу удар ножом и вдобавок лишусь лошади? А теперь вместо поиска направляющихся в порт попутчиков, в компании профессиональных бродяг и любителей легкой наживы тащусь то ли к руинам оставшегося от эльфов или еще каких нелюдей храма, то ли к заброшенному убежищу еретиков – здесь, на границе Приозерья и Западного побережья в восстание Серебряных плащей⁷ кто только схроны не устраивал.

И чем дальше, тем больше это путешествие казалось мне откровенной авантюрой.

Непонятно, о чем вообще я думал, когда принимал предложение Анджея Дубравы – предводителя этой ватаги. Да нет, конечно, понятно, о чем. Чего там особо думать-то? От постоялого двора «Хромой кузнец» до Геладжио два дня пути пешком, а денег осталось – кот наплакал. Да и подходящих попутчиков найти, чует мое сердце, не получилось бы. К тому же все чаще начинала закрадываться пугающая мысль, что на поиски нужного человека в городе понадобится не один день. И – что самое важное – не одна серебряная корона.

Поэтому вчера утром я не особо и колебался, принимая приглашение присоединиться к дружине⁸ и пошурудить в весьма перспективных, с точки зрения быстрого обогащения, развалинах. Тогда Анджей Дубрава произвел на меня самое благоприятное впечатление. Это теперь я немного к нему присмотрелся и понял, что широкоплечий, всегда подтянутый и обаятельный эсквайр может при необходимости запудрить мозги кому угодно. Вот только большинством дел в дружине заправлял его помощник – пожилой здоровяк Марк Брага. А из этого битого волка выжать пару лишних монет будет ох как непросто.

Один их темных силуэтов зашевелился и из кучи тряпья вылез Янек Змейка – долговязый паренек лет восемнадцати. Нетвердой походкой он направился ко мне и плюхнулся на землю около костра. Я подкинул в огонь еще несколько хворостин. Удачно он проснулся: как раз его очередь дежурить подошла.

– Полнолуние, – ежась, пробормотал Змейка. – Как бы на оборотней не нарваться.

– Не поминай лихо. – Я едва удержался, чтобы не сплунуть при упоминании этих тварей.

– Да ладно, Кейн. Тебе-то что? Ты ж их голыми руками на куски рвешь. – Янек зевнул, вытер хлюпающий нос рукавом рубахи и продолжил: – Тебя Дубрава поэтому и взял.

⁷ Восстание Серебряных плащей – вылившийся в вооруженное столкновение отказ вольного города Арген признать власть Церкви после смерти последнего императора – Карла Бездетного. Восставшие были поддержаны частью крупных землевладельцев и Гильдией тайнознатцев. Длившееся четыре года противостояние закончилось победой церковных войск, в результате чего лендлорды лишились части привилегий, Гильдия тайнознатцев была распущена, а Арген сровняли с землей.

⁸ Дружины – базирующиеся в Заозерье военизированные подразделения, основной задачей которых является отражение набегов степных орков и ответные рейды в степь. В свободное от службы время многие дружинники подрабатывают охраной торговых обозов, поимкой объявленных в розыск преступников, наймом на службу к лендлордам и т. д.

Ага, голыми руками, как же. К сожалению, не все такие наивные: когда утром я уже собрался достать серебряную монету из глазницы оборотня, оказалось, что меня кто-то опередил.

– Слушай, тепло ж, чего костер зря палишь? – Длинный заозерец растянулся во весь свой немаленький рост на траве рядом с огнем.

– А чем еще заняться? Так хоть не усну. – Я подбросил в костер еще хвороста. – Не слышал разве, что человек может бесконечно смотреть на две вещи – горящий огонь и бегущую воду?

– Да ну, ерунда. Я только на пену в пивной кружке бесконечно смотреть могу, – хохотнул парнишка.

– Это точно.

Ян снова сел, достал какую-то темную деревяшку и начал аккуратно обстругивать ее ножом на широкий кленовый лист. Мне почудился тяжелый приторный запах чертова корня, рот моментально наполнился слюной и невольно я сплюнул себе под ноги.

Заметив мою реакцию, Змейка протянул деревяшку:

– Будешь?

– Не... – отрицательно мотнул я головой.

– А чего так? У нас его даже солдатам выдают. – Он спрятал корень и начал накалывать над костром широкое лезвие ножа. – А вообще, дело твое, мне больше останется.

– Смотри, не переборщи, – хмыкнул я. Солдатам его дают... Солдатам чего только ни дают. Если все употреблять, никакого здоровья не хватит. Да и нельзя мне... – Огребешь от Браги.

– Не, я норму знаю, – заверил меня парень.

Знает он. Будто кто-то не знает. Нешто я чертов корень первый раз вижу? Пусть в первую очередь он действует на реакцию и болевой порог человека, но и голову дурманит будь здоров.

А в одурманенном состоянии переборщить с этой отравой ничего не стоит. До сих пор ведь ходят байки про роту Красных Енотов, командир которой не ограничивался чертовым корнем и дурман-травой, а вместе со своими солдатами перепробовал почти все, начиная мухоморами и заканчивая ведьминой паутиной. И однажды, окруженный орками, он сварил такую адскую смесь, что его рота почти без потерь прорвала окружение и ушла в степь. Вот только никто их больше после этого не видел.

Тем временем лезвие накалилось докрасна, и Янек Змейка начал, потихоньку посыпая стружку на лезвие, вдыхать ароматный дым. Через пару минут корень закончился, и заозерец воткнул нож в землю:

– Ништяк! Ух, сразу голову прочистило. – Он потянулся, хрустнул суставами, посмотрел на меня и замер. – А чего это у тебя зрачки вертикальные?

– А ночью так удобней, видно лучше, – пожал я плечами.

– Удобней?! Ну, Кейн, ты даешь! – Янек повалился на землю и зашелся в беззвучном приступе хохота.

– Знаешь, а у тебя еще и с клыками что-то не то, – сообщил он, немного отдышавшись. – Ты ж вампир! Да нет, похлебку чесночную вместе со всеми хлебал, сам видел. И тень у тебя есть. Даже две. И у меня две... И луны две... А костер один. Да, давно меня так не цепляло!

– Слушай, Янек. Я тут вот чего подумал: дружинники в Заозерье обычно конные, а вы чего?

– Да, была одна история... – смутился парень. – Мы сюда и подались... Ладно, забудь, ни к чему тебе оно...

– Как знаешь... Ну, ты карауль, а мне спать давно пора. – Я бросил в огонь оставшийся хворост, подхватил плащ и пошел искать место для ночевки. Судя по количеству употреблен-

ного зелья, бодрить Янека перестанет только к рассвету и значит можно не опасаться, что он уснет на посту. Только бы больше не дымил.

Вместе с рассветом пришел и туман. Густая пелена медленно поднялась от реки и постепенно добралась до лесной опушки. Сразу похолодало, и дружина начала собираться в дорогу. Завтракать пришлось на ходу, но никто по этому поводу не ворчал: до заветных развалин оставалось полдня пути и предвкушение скорой добычи гнало вперед лучше всяких понуканий. К тому же, все прекрасно понимали, что лучше пройти сколько получится поутру, чем заживо запекаться в полуденную жару – яркая синева утреннего неба ясно показывала, что день будет знойным.

Первое время мы шли по широкой лесной тропе, которая петляла меж толстых стволов высоченных сосен. Протоптали ее то ли ходившие на водопой животные, то ли местные промысловики: места здесь глухие, самое раздолье для браконьеров. Как бы то ни было, высывающиеся из ковра утоптанной хвои толстенные корни лезли под ноги, а сухие ветви так и пытались обломанными концами пропороть лицо.

Отряд растянулся, и невольно я оказался в самом хвосте колонны. Рядом шумно сопел толстоватый коротышка, светло-русые волосы которого свалились в грязно-серые лохмы. Представился он Габриелем, но иначе как Шутником в дружине его никто не называл. Росту в нем было четыре локтя с хвостиком, а из-под бригадины – короткой кожаной куртки, усеянной заклепками, которые удерживали проложенные изнутри стальные пластины, выпирал немаленький пивной животик. Навскидку я дал бы ему лет сорок, но, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, с кистенем он обращался весьма уверенно. Да и само оружие – шипованный шар в полтора кулака на длинной тонкой цепи – выглядело весьма устрашающе.

Слева плелся Язва. И, учитывая его испещренное оспинами лицо, было совершенно непонятно, прозвище это или родовое имя. Только вот, думаю, называли его так больше из-за склочного характера, а не из-за внешности или столь говорящей фамилии. Одет заозерец был в застиранные шаровары, просторную рубаху и короткую жилетку, из-под которой выглядывали звенья легкой кольчужной безрукавки. На ногах красовались новенькие сапоги, пошитые из великолепно обработанной кожи. Вооружился Язва коротким копьем с широким листовидным лезвием и парой изогнутых кинжалов. Да еще на кожаных ремнях, пересекавших крест накрест грудь, болтались метательные ножи.

Замыкал колонну Арчи – темноволосый, коротко стриженный здоровяк почти в пять локтей ростом с честным и открытым лицом. Свисавший за его спиной двуручный меч едва ли не с Шутника длиной на каждом шаге слегка полязгивал о доходившую парню до середины бедра пластинчатую кольчугу. По всему клинку меча вился сложный посеребрённый узор, сверкавший в лучах утреннего солнца даже ярче начищенной стали. Очень предусмотрительно – оборотни вовсе не будут рады, получив удар таким клинком. Да и на большую часть нечисти серебро действует вполне себе убийственно.

Помимо меча, вооружение Арчи составлял насаженный на короткое дубовое топорище молот, который тот постоянно перебрасывал из руки в руку. Перекидывал его он очень даже легко, хотя по моим прикидкам, весил молот никак не меньше половины пуда.

В отличие от Шутника, Арчи больше помалкивал и, глядя на безмятежное выражение его лица, было совершенно непонятно, то ли он в самом деле немного туповатый, то ли просто умело прикидывается.

Я хотел, пока есть время, выспросить, как они оказались в дружине – мои спутники на уроженцев Заозерья ничуть не походили, – но, подумав, решил не лезть не в свое дело. Захотят – сами расскажут. Не захотят – мне, в принципе, не очень-то и интересно.

Еще с нами шел тайнознатец⁹ – худой отшельник в длинном сером плаще с накинутым на голову капюшоном, который, как и я, присоединился к отряду только вчера утром в трактире «Хромой кузнец».

Как мне удалось выяснить, разговорив Шутника, у дружины уже был колдун – высушенный годами и жарким солнцем Заозерья старикан Захар Осока, а этого взяли только из-за Браги, который прямо заявил, что в таком деле два тайнознатца лучше, чем один. Анджей долго мялся, на несколько раз проверил выданный инквизицией жетон, но, в конце концов, все же согласился принять отшельника в отряд. Согласился, как считал Шутник, только потому, что обитал тайнознатец неподалеку от северной оконечности болот и в случае необходимости мог послужить проводником.

Как ни старался я, разглядеть скрытое тенью капюшона лицо так и не смог. Единственное, что получилось заметить – затейливую татуировку, украшавшую левую щеку тайнознатца. И татуировка эта меня насторожила – как бы наколотый в несколько цветов дракон какое клеймо не скрывал. А что? Запросто. С тайнознатцами ухо надо держать востро.

И все же, думаю, этот тип местный – ни дьяк, ни десятник церковных стражников даже и не подумали проверить бумаги у столь подозрительной личности. Да тень с ним, с тайнознатцем. Главное, что в отряде к произошедшему пополнению отнеслись без особого восторга: прибавление претендентов на долю в добыче никого особенно не радовало. Меня-то хоть в деле видели, а этот тип, как бельмо на глазу.

А тут еще Язва...

– Поналетели, понимаешь, как мухи на коровью лепешку. На все готовенькое... – Давненько уже бурчавший что-то себе под нос Язва последнюю фразу произнес достаточно громко и при этом скосился в мою сторону.

Конечно, можно было промолчать, но вот только при разделе добычи это мне наверняка аукнется. И полученная доля едва ли окупит изношенные за время пути сапоги.

– Как я понимаю, это плевок на мою тень? – повернулся я к Язве, левой рукой почесывая спину. По странному стечению обстоятельств теперь моя ладонь почти касалась рукояти заткнутого сзади за пояс кинжала.

Тот гнусно скривился, но ничего ответить не успел – незаметно для нас рядом оказался чем-то весьма недовольный Марк Брага.

– А ну пошевеливайтесь! – рывкнул он и поправил сбившийся ремень кирасы. – А то ползете как ишаки беременные!

Мы замолчали и начали нагонять остальной отряд. Пререкаться с Марком желающих не нашлось. Да и не думаю, что кто-нибудь в дружине решится на это без очень и очень весомых причин. Посмотрев на утреннюю разминку Браги с тяжеленным бастардом, который в его руках порхал как бабочка, я тоже этого делать не собирался. По крайней мере, из-за таких пустяков.

Давно уже разменявший пятый десяток лет, помощник Анджея производил впечатление древнего дуба. Пересекавшие его лицо и шею морщины и шрамы только усиливали это впечатление. Темно-рыжие волосы и короткая бородка были обильно украшены сединой, которая придавала им оттенок смешанного с солью молотого перца. Чуть пониже меня ростом, он был такой же широкоплечий, как и Арчи.

Язва и колдун поспешили вперед, теперь мы шли втроем.

– Не нравится мне этот лес, – неожиданно ни с того ни с сего произнес Арчи.

– Понятно дело, кабаки тебе нравятся больше, – тут же подколот его Габриель.

⁹ Тайнознатец – первоначально получивший классическое образование и вступивший в Гильдию тайнознатцев колдун. С роспуском Гильдии, которая была создана наиболее могущественными школами тайных искусств – Домами Волн, Искр, Тлена, Судьбы и Крови, название распространилось на всех заклинателей.

– Не в этом дело, Шутник, не в этом. Эх, Кира жалко, он бы меня понял, – не обратил на подначку внимания здоровяк и, достав из дорожного мешка легкий шлем, начал расправлять стеганный подшлемник. – Пойдемте быстрее. Надо остальных догнать.

Я тоже почувствовал какое-то смутное беспокойство, но, в чем дело, понять так и не смог. Может, горец и разобрался бы в происходящем. Вот только вчера он не удержался и все же ввязался в драку с одним из гномов. Карлик отделался отрубленными пальцами левой руки, а Киру не повезло гораздо больше: тяжелый молот проломил ему череп.

Мы начали огибать заросший деревьями крутой холм, когда Арчи резко остановился, а из кустарника на тропинку высыпали вооруженные люди. Раздался звон оружия и крики раненых. С холма полетели стрелы, и я с ходу нырнул с тропы в кусты: лучников не должно быть много, иначе не было никакого смысла в лоб атаковать хорошо вооруженный отряд.

Продравшись сквозь ветви кустов, я оказался в тени деревьев и сразу же припал к земле. Лучи солнца почти не проникали сквозь густые кроны, и здесь царил полумрак. Впрочем, это даже к лучшему: с тенями и темнотой отношения у меня неплохие.

Вытащив кинжал и по возможности стараясь не шуметь, я направился туда, где, по моим прикидкам, должны были располагаться стрелки. И действительно, почти сразу же в темно-зеленой стене орешника мелькнуло светлое пятно – похоже, именно там кто-то заранее обломал ветки, расчистив бойницу для лука.

Увлеченный стрельбой лучник не расслышал моих шагов, и узкое лезвие кинжала, пропоров кожаную безрукавку, легко вошло ему под левую лопатку. Сведенное предсмертной судорогой тело выгнулось дугой, но почти сразу же обмякло. Я медленно опустил его на землю, тихо выдохнул сквозь сжатые зубы воздух и потянул на себя рукоять. Клинок выскочил неожиданно легко, и мне невольно пришлось отступить на шаг назад.

Под ногой хрустнула одна из воткнутых лучником в землю стрел, и я замер на месте, озираясь по сторонам. Легкий шорох над головой предупредил об опасности и заставил отпрыгнуть в сторону за мгновение до того, как в прелую листву рядом с покойником воткнулась выпущенная с соседнего дерева стрела.

Промахнувшийся стрелок отбросил лук и, на лету замахнувшись короткой саблей, спрыгнул с насеста – острие клинка, едва не разрубив мне скулу, мелькнуло прямо перед лицом. Зло выругавшийся бандит с трудом устоял после приземления на ногах, но тут же, не оставив мне времени выхватить мечи, снова атаковал. Увернувшись от просвистевшей по широкой дуге сабли, я ткнул кинжалом в лохматую голову, но, не завершая удара, резко повел лезвие вниз. Хорошо заточенное острие полоснуло по незащищенному кожаной рубахой предплечью и, зашипев от боли, разбойник перекинул саблю в левую руку.левой рукой он владел ничуть не хуже, и мне снова пришлось отпрыгнуть, уклоняясь от нового замаха. Сабля впустую рассекла воздух и на землю полетели срубленные листья.

Рисковать жизнью и состязаться с ним в фехтовании теперь было просто-напросто глупо. Сам кровью истечет. Ну что, поиграем в догонялки? Поняв, что я просто выжидаю, пока он обессилеет, разбойник заорал и, подняв саблю над головой, рванул ко мне.

Прыжок в сторону, укол кинжалом.

Лезвие сабли засело в толстой ветви, кинжал вошел лучнику меж ребер. Не удержавшийся на подкосившихся ногах разбойник растянулся на земле, и от сильного рывка рукоять кинжала выскользнула из моей вспотевшей ладони. Скорее всего, лучник был уже мертв, но я не стал искушать судьбу: сначала, оттянув голову за длинные засаленные волосы, перерезал ему засапожным ножом горло, и только потом перевернул на спину и вытащил засевший в боку клинок.

Когда я, продравшись сквозь кусты, вернулся на тропу, схватка уже закончилась и тела нападавших стащили на небольшую полянку. Мертвецов было десятка полтора. Одеты в какое-

то рванье, нормальных доспехов нет ни у кого, разве что на одном бородаче прорубленная в нескольких местах ржавая кольчуга, да у парня с рассеченной головой добротная стеганая куртка. Оружие тоже не ахти: на тропе остались валяться в основном зазубренные топоры и окованные железом дубины.

Мы потеряли троих, еще несколько человек отделались ушибами и порезами. Из убитых я знал только отрядного тайнознатца Захара Осоку. Хреново.

– Кейн, сучий потрох, чтоб тебя разорвало! – Судя по тону, настроение у Дубравы было отвратительней некуда. – Где тебя черти носили?!

– Там двое лучников было.

– Ну и чего так долго? – У Марка настроение было еще хуже и тому имелось весомое основание: его дубленую шкуру украсил свежий порез, протянувшийся по шее от уха до ключицы. Неужели стрелой так кожу распорол?

Я только пожал плечами. Не говорить же, в самом деле, что, прежде чем вернуться, я обшарил трупы? Ничего особо ценного найти не удалось, но теперь мой кошелек потяжелел на пару медных корон и пяток щитов. Мелочь, а приятно.

Позади зашуршали кусты, из них с метательным топориком в руке вылез отрядный следопыт Петр Травинка – жилистый и совершенно лысый заозерец лет тридцати. Я еще ни разу не слышал, чтобы Травинка сказал хоть пару слов, вот и теперь он только поднял ладонь с двумя выставленными вверх пальцами. Анджей его прекрасно понял и повернулся ко мне:

– Неплохо, Кейн. Эти гады Захара подстрелили.

Я молча кивнул. Да уж, нехорошо с Осокой получилось – теперь у нас остался только один колдун, способностей которого никто толком не знал.

– Совсем разбойники в лесу одичали. Нас же три человека против их двух было! – придерживая забинтованную руку, подошел ко мне Янек.

– Попадись им промысловики или контрабандисты, может, чего и выгорело бы, – пожал плечами Арчи.

– Я так думаю, им в «Хромом кузнеце» на нас наводку дали, – настороженно зыркнул в сторону кустов Язва. – Трепанул кто по пьяни языком, куда идем, вот и подкараулили.

– А место для засады они как выбрали? Никто не знал, что мы этой дорогой пойдем. – Змейка подобрал валявшийся на земле выщербленный нож и метнул в дерево. Нож ударился о ствол рукоятью и отлетел в траву.

Язва только пожал плечами и потер перебитый нос.

– Я вчера со стражниками поговорил – они отряд карателей со дня на день ждали, – остановился рядом с нами Семен Лебеда – высокий коротко стриженный мечник, длинные светлые усы которого слиплись от пота, а кованый наплечник пересекала свежая царапина. – Эта шваль могла нас за них принять.

– И что, они на карателей накинуться не побоялись? – удивился я.

– Лучше уж самим напасть, чем ждать, пока тебя из норы выкурят. Хоть какой-то шанс есть. – Арчи вытер заляпанный кровью носок сапога о траву и пошел к махнувшему ему рукой Анджею. Язва направился следом.

– Смотри, Янек, – я огляделся по сторонам и, убедившись, что поблизости никого нет, продолжил: – До храма уже рукой подать, а тут всякая шваль ошивается. Уж не почистил ли кто до нас развалины?

– Да кто в здравом уме в топи полезет? Без карты там делать нечего. Гиблое место. Можно год плутать и ничего не найти. И говорят еще, морок там наведен.

– А откуда у Браги карта?

– Чего не знаю, того не знаю, – ухмыльнулся Янек. – Хочешь – сам у него спроси.

– Да ладно, забудь... – махнул я рукой, но предчувствия у меня были самые безрадостные. Морок наведен... Навести – не проблема. Но его же постоянно поддерживать надо.

– Да все будет нормально! Кстати, ты зачем столько зубочисток с собой таскаешь? Ножей одних вон сколько. Купил бы себе лучше меч нормальный.

– Обычай у нас на севере такой, – соврал я.

На самом деле, вместо уроков фехтования мне больше нравилось пить пиво. Да и отношения с учителями не заладились с самого начала... Поэтому с длинными клинками обращаться по-настоящему так и не научился. Вот с ножами и кинжалами у меня проблем не было – с ними приходилось практиковаться с самого детства. Семейная традиция, забери ее тень.

А интересно, что бы сказал Янек, узнай он, про припрятанные стилет, удавку и зачарованную метательную звезду?

Решив больше ничего не объяснять, я развернулся и чуть не наткнулся на подошедшего Шутника, который задумчиво рассматривал свой кистень. Заметив проявленный интерес, тот сунул шипованный шар мне под нос:

– Почистить не сможешь?

Шар полностью был заляпан кровью, лоскутами кожи и чем-то еще не менее отвратительным на вид.

– Не, ты уж как-нибудь сам, – отказался я.

Вскоре Анджей и Марк начали наводить порядок, и вся дружина, за исключением трех дозорных, выстроилась на небольшой полянке. Раненых наскоро перевязали, более-менее ценные вещи с убитых поделили между оставшимися в живых.

Арчи предложил было закопать трупы дружинников, но, кроме темноволосого художавого и жилистого усача Ежи Петельки по прозвищу Висельник, его никто не поддержал: все стремились поскорее добраться до храмовых сокровищ. Да и с каменистой почвой, пронизанной корнями деревьев, никому возиться не хотелось. Наскоро завалив трупы камнями и срезанным дерном, мы отправились дальше.

Вскоре тропа начала уходить в сторону, и нам пришлось пробираться по лесу напрямик. Сверяясь с картой, Брага постоянно поглядывал на мелькавшее сквозь ветви деревьев солнце и высматривал одному ему известные приметы. Ближе к полудню лес начал редеть, то и дело стали попадаться заросшие мхом поваленные деревья, а густая темно-зеленая трава, наоборот, вымахала почти до пояса. Под ногами захлюпала пропитанная водой земля. Выходит, до болот осталось всего ничего.

Так оно и оказалось. Сначала потянулись густые заросли невысоких ив, а за ними заблестела окнами открытой воды заросшая высокой травой и камышом топь. Зависшее в зените солнце нещадно палило, и от болота поднималась густая пелена испарений.

И – никого. Ни людей, ни животных. Разве что неподалеку медленно вышагивала высматривавшая лягушек цапля, да какая-то пичуга при нашем появлении упорхнула в камыши. Ну и непрменные стрекозы стремительно сновали над высокой травой. Из всех обитателей болот внимание на нас обратили лишь слепни и оводы. Хорошо, хоть мошкары и гнуса нет.

– Пошли! Пошли! Чего встали?! – прорычал Марк и первым ступил на покачивающийся под ногами и пропитанный мутной вонючей водой ковер болотных трав.

– По сторонам смотрите, местные болтали, болотных гоблинов не всех еще вырезали. – Анджей внимательно оглядел дружинников и пошел к дожидавшемуся нас Браге. – Да и живность здесь дюже беспокойная.

Пришлось растянуться в цепочку и двинуться вслед за ними. Марк, проверяя путь срезанным в лесу посохом, прыгал с кочки на кочку и лишь иногда посматривал на карту. И хотя никаких приметных ориентиров, даже сухих деревьев в округе не наблюдалось, но в топь помощник Анджея нас ни разу не завел, пусть и пришлось порядком пропетлять в зарослях камышей. В одном месте так и вовсе, ища путь в обход трясины, вернулись на две сотни шагов назад.

Уж не знаю, каким чудом Марку удавалось выбирать безопасную дорогу – не иначе тени на ушко нашептывали, – но самые гиблые места мы обошли стороной. И это было просто здорово: и так постоянно кто-то соскальзывал с кочек и проваливался в болото. Самые невезучие погружались в мутную холодную воду по грудь, просто сделав один неверный шаг. В такие моменты обычно спокойно дремавшие в осоке лягушки бросались врассыпную, а гревшиеся на солнце ужи торопились уползти в камыши. К сожалению, заранее срубить посох мне в голову не пришло, и вскоре у меня в сапогах заплескалась жижа, а штаны оказались до середины бедра заляпаны болотной грязью.

Когда через несколько часов этих издевательств в дымке поднимающегося от болота марева показался силуэт пологого кургана, Брага удовлетворенно хмыкнул, спрятал карту в кожаный чехол и, вытерев вспотевшее лицо, побрел к холму.

Неужели дошли? Похоже на то.

Без особых сложностей добравшись до кургана, мы первым делом принялись выливать воду из сапог, срезать толстых черных пиявок и очищать одежду от налипшей болотной жижи. Толку, честно говоря, от этой возни было немного. В конце концов, пришлось смириться с тем, что ближайшие несколько дней мы будем вонять болотом, а одежда станет скрипеть и хрустеть при каждом движении.

Первым не выдержал Язва – он упер руки в бока и уставился на Брагу:

– Ну и где этот долбаный храм? Или мы сюда приперлись, чтобы в грязи изваляться?

– Грязь можно было и поближе найти, – поддержал его Шутник.

– Заткнитесь оба, – отмахнулся от них Марк и начал вполголоса что-то объяснять ни на шаг от него не отходившему тайнознатцу.

Тот, внимательно его слушая, время от времени кивал, потом на несколько минут задумался и, присев на корточки, начал вырывать густую траву. Кое-как очистив небольшой пяточок, тайнознатец вытащил из рукава остро заточенную деревяшку и принялся чертить на земле какие-то символы. Много времени приготовления не заняли, да и сама волшба прошла весьма буднично: разрисованная колдовскими символами земля моментально высохла и растрескалась, а остатки невырванной травы принялись тлеть и куриться легким дымком. Заклинатель выпрямился и что-то тихонько сказал Марку. Стоявший неподалеку Анджей, видимо, не слышав слов, нахмурился, но переспрашивать не стал.

– Ищите проход, – распорядился Брага и вытащил из заплечной сумы связку просмоленных факелов. – Внутри не лезьте, если жизнь дорога!

Я покосился на Анджея, но тот оставил самоуправство помощника без внимания. Странно. Очень странно. Слишком много на себя Брага берет. Надолго ли у командира терпения хватит? И вот еще что непонятно: у Дубравы на клинке я клеймо с хорьком приметил – знак цеха оружейников Северного Гальда, а у Марка на бастарде крылатый волк скалится. И есть у меня ощущение, что это не подделка и полуторник на самом деле работы мастера Ран-Лира из Медвежьего склона. А его работы, считай, самое меньшее раза в полтора-два дороже ценятся, чем гальдское оружие.

Темный провал в кургане обнаружился почти с противоположной стороны, и вскоре вся дружина собралась там, разглядывая уходящие во тьму ступени. Судя по всему, спускаться придется очень глубоко. Тут главное, чтобы проход затоплен не был. Да нет, ступени хоть и влажные, но воды не видно.

Змейка метнул в провал камушек, и тот зацокал в темноте. Плеска не слышалось.

– Сдурел?! – Дубрава отвесил Янеку подзатыльник, и парень, втянув голову в плечи, быстренько ретировался от провала.

– Ты б еще подудел туда! – Висельник вытащил из мешка и принялся расправлять подшлемник.

– Да ну вас, – потер затылок Змейка и, опустившись на корточки, занялся ремнями небольшого обтянутого кожей щита.

Пока все проверяли оружие и доспехи, я присел рядом с ведущими вниз ступенями. Ни черта не видать! Темно, как у теней за пазухой. От грубо отесанных каменных плит тянуло сырой стылостью, и, чем больше я всматривался во тьму, тем меньше мне хотелось туда спускаться. С чего бы это? Никогда раньше темноты не боялся. Вытащенные из ножен мечи прогнали непонятное ощущение беспомощности, но неприятный осадок все же никуда не делся, и от этого было немного не по себе.

– Ну что, выступаем? – проверив, легко ли выходит из ножен «бастард», повернулся Марк к Анджею, который еще возился со шлемом.

– А кто наверху останется? – Командир поправил кольчужную бармицу и натянул латную перчатку.

– Зачем? Никто сюда не сунется...

– Арчи, ты остаешься, – не изменил своего мнения Дубрава и обнажил меч. – Проход широкий, так что идем по три человека. Двинули.

Я оказался во второй тройке вместе с Ежи Петелькой и Лехом Зарницей. Висельник недовольно вертел головой по сторонам и то и дело проверял ногтем заточку длинной сабли. Лех – высокий парень на пару лет постарше меня – спокойно шагал, клацая о ступени железными набойками сапог.

– Лех!.. – прошипел шедший за нами Язва. – Тише ты...

– Угу, – хмыкнул тот, переложил в левую руку увесистую булаву и поправил кольчужный ворот.

Подошва сапога едва не соскользнула со стертой ступени и, глубоко вздохнув, я прогнал из головы посторонние мысли и дурные предчувствия. Не до того сейчас.

Отблески факела спускавшегося первым Петра Травинки едва разгоняли поджидавшую отряд тьму и на грубо отесанных стенах танцевали наши странно искривленные тени. Следопыт шел не торопясь, напряженно вглядывался в темноту и постоянно, словно убирая затянувшую проход паутину, водил перед собой из стороны в сторону коротким топориком.

Немного потеснив Язву, сзади спускался тайнознатец, и от его тихого монотонного бормотания на затылке зашевелились волосы. Никогда в жизни не боялся закрытых помещений и пещер, но сейчас, по мере продвижения вниз, меня начинало все больше охватывать какое-то непонятное чувство обреченности. Сырые и осклизлые ступени так и норовили вывернуться из-под ног, а камень потолка давил, словно уже положенное на могилу надгробие.

Не останавливаясь, я сунул один из мечей в ножны и вытащил метательную звезду. Большой палец привычно скользнул по покрывающим все четыре лезвия рунам, и холодная тяжесть черного металла, как обычно, подействовала успокаивающе. Смысл выбитой на железе тарбарщины был мне неизвестен, но отдавший звезду за долги человек клялся и божился, что отклонить ее бросок невозможно никакими чарами. Сейчас мне это показалось весьма кстати: подземелье было просто пропитано непонятной магией. В самом деле: спустились-то мы уже прилично, а вода в проходе так и не появилась. Разве что в нескольких местах капало с потолка.

Наконец лестница закончилась, и мы вошли в темное помещение. Света двух факелов не хватало, дальние стены и потолок терялись во тьме. Несший второй факел Висельник прошел вглубь, и отблески огня заиграли на пронизывающих каменные стены жилках горного хрусталя. Я даже невольно засмотрелся. Красиво. А в сочетании с нашими тенями – жутко.

– Простой хрусталь, – подтвердил мое предположение Янек, отколупнувший от стены камешек.

– А ты чего ждал, рубиновых россыпей? – съязвил Шутник.

– Заткнитесь вы, – насторожился вдруг Ежи Петелька.

Мне почудилось какое-то движение в дальнем от нас углу, и я незамедлительно сместился в сторону от оставшейся позади лестницы. Есть там кто, нет? Или почудилось? Дружинники тоже замолчали и, выставив вперед оружие, напряженно вглядывались во тьму.

Отблески на стенах мешали что-либо рассмотреть, и человека в длинном светлом балахоне удалось заметить, только когда тот сам вышел на освещенное факелами пространство. Лицо скрывала тень капюшона, но что-то в его фигуре показалось мне смутно знакомым. Еще б понять – что именно...

Первым среагировал Петр. Видимо, резонно рассудив, что ничего хорошего от незнакомца в таком месте ожидать не приходится, он, не говоря ни слова, метнул в него свой топорик. Не долетев до цели нескольких шагов, топор осыпался на пол ржавчиной и древесной трухой.

Жрец – а кто еще может обитать в этом тенями забытом месте? – поднял руки над головой, и меж его сжатых кулаков сгустилось туманное облако. Мгновенье, и оно начало наливаться лунной желтизной.

Сделав шаг вперед, я кистевым броском швырнул метательную звезду из-под руки державшего факел Петра Травинки. Не успевший завершить волшбу жрец покачнулся и упал навзничь: мой бросок оказался удачным, и звездочка угодила ему в горло. В тот же миг туман развеялся будто обычный дым.

И тут я, наконец, понял, что именно меня насторожило – покроем балахона заклинателя один в один повторял покроем плаща присоединившегося к отряду тайнознатца. Простое совпадение? Ага, как же...

Не колеблясь ни мгновения, я резко развернулся и локтем левой руки заехал в маячивший сбоку капюшон колдуна. Его нос хрустнул, постепенно усиливающееся бормотанье разом оборвалось, и тайнознатец мешком повалился на пол.

После удара меня развернуло, и я краем глаза заметил, как в отражавшемся от хрусталя призрачном сиянии факелов в руке стоявшего на ступенях Марка Браги сверкнул стеклянный шар. Возникший позади него Арчи правой рукой зажал ладонь с шаром, а левой крутанул голову помощника Дубравы вбок. Хрустнули позвонки, завалившийся на спину Брага съехал по ступеням вниз.

Что за чертовщина?!

Вот только выяснять, что происходит, времени уже не оставалось: из скрывавшегося во мраке подземелья прохода к нам выскочили смутно различимые в темноте люди в светлых балахонах. Пыхнувшие вспышки молний полоснули по глазам, нескольких попавших под удар боевых чар дружинников сбило с ног и в нос ударила вонь паленых волос и горелого мяса.

Не собираясь разделять участь сторевших заживо дружинников, я перекатился по полу и, ухватив направленный на меня посох, задрал его вверх. Из навершия посоха ударила молния, с потолка хлынул дождь раскаленной каменной крошки, несколько осколков обожгли шею.

Тень! Не вижу почти ничего – сплошные блики перед глазами.

Худой как щепка жрец рванул посох на себя, но зажатый в левой руке мечом я ткнул его в низ живота и сразу же рухнул на колени, уклоняясь от удара сбоку. Переливавшийся мутной белизной жезл прошел над головой и врезался в стену. На пол рухнул целый пласт размякшего камня. Мгновенно откатившись вбок, я чудом избежал повторного замаха: искрившийся от смертоносных заклятий жезл провел по полу длинную глубокую черту. Жрец перехватил посох двумя руками, замахнулся, но вдруг застыл на месте – ртом у него хлынула кровь, а из груди проклюнулся наконечник воткнутого в спину копья.

Схватка закончилась так же неожиданно, как и началась. Двое оставшихся в живых жрецов попытались скрыться в темном проходе, но далеко убежать не успели: несколько точно брошенных метательных ножей навсегда отправили их в край теней.

Снявший шлем Анджей не стал терять время и разбил дружину на две части: одна под предводительством Лебеды бросилась обыскивать подземелье, вторая занялась оказанием первой помощи раненым. Янек, зажав в охапку вытащенные из сумы Марка факелы, закреплял их в ржавых держателях, а добровольно вызвавшийся Висельник переходил от одного распостертого на полу тела жреца к другому и методично отрубал головы. Клинок своей сабли он портить не решился и орудовал одолженным у кого-то топором. Это Анджей правильно придумал – с тайнознатцами по-другому никак нельзя...

И все же, какая чертовщина творится в отряде? Арчи свернул шею Браге, а теперь, как ни в чем не бывало, стоит и разговаривает с Анджеем, который все это прекрасно видел. Другие дружинники тоже настороженно нет-нет да и косились на труп помощника Дубравы, но с расспросами никто не лез.

Наплевав на приличия, я отправился напрямик к тихо спорящим Анджею и Арчи. Прежде чем они меня заметили и замолчали, расслышать удалось всего два слова: «говорил» и «засада».

– У нашего нового колдуна балахон, как у этих вырожденков, только серый. Я ему, похоже, нос сломал, но он скоро очнуться должен...

Дубрава, даже недослушав меня, крикнул во тьму:

– Эй, Петр! Тащи сюда тайнознатца!

– Это что? – немедленно заинтересовался я, заметив стеклянный шар в руке Арчи.

– Да так, зелье сонное, – пожав плечами, ответил тот и спрятал переливающуюся всеми цветами радуги сферу в висевший на поясе кошель.

Еще не пришедшего в себя колдуна притащил Язва. Увидев вопросительный взгляд Анджея, он поспешно объяснил свое появление:

– Нету больше Петра. Поджарили его.

– Тогда оставайся. А ты, Кейн, давай помоги остальным подземелье обыскать.

Хмыкнув, я отправился выполнять приказ, но первым делом вытащил из шеи уже обезглавленного жреца свою метательную звезду. Потом оглядел освещенное колеблющимся светом чадающих факелов подземелье и только крикнул: вот ведь, все уже разбежаться успели!

Даже замотанные в пропитанные целебными мазями бинты Влас Чарка и Лех Зарница куда-то поплелись, хоть и едва держались на ногах после зацепившего их краем разряда молнии.

Мозолить глаза Анджею не хотелось, а посему пришлось последовать примеру дружинников. С обнаженными мечами в руках я побродил по темным коридорам и на всякий случай заглянул в несколько келий. Но везде уже успели побывать до меня, так что ничего интересного, а самое главное – ценного, обнаружить не удалось.

Как оказалось, в кургане жила небольшая община. Человек в десять, не больше. И, хоть убитых я не пересчитывал, думаю, примерно столько мы и порубили. И чего они на нас накиннулись? Да тень с ними, и без этого слишком много непонятного в последнее время творится.

Убедившись, что никто живой от нас не схоронился, дружинники уже вовсю шарили по сундукам и мешкам, но добыча выходила весьма скудной: пяток золотых щитов, десятков серебряных корон и россыпь медяков. И никаких сокровищ. Даже несколько вырезанных из нефрита и лунного камня подсвечников положения не спасали.

Пока остальные продолжали шерстить кельи, я решил вернуться обратно: честно говоря, мне не давало покоя обыкновенное любопытство:

Что же рассказал тайнознатец? Почему убили Марка? Какую игру затеяли Дубрава и Арчи?

Дружинники о чем-то между собой втихаря перешептывались, но со мной откровенничать не стали.

К тому времени, когда я вернулся в помещение, где оставались Дубрава и Арчи, тело колдуна уже накрыли плащом, а Язва молча вытирал нож. На сером полотнище лезвие оставляло тёмные полосы.

Нахмурившийся Анджей хотел мне что-то сказать, но в этот момент в зал выскочил Змейка и, заикаясь, заорал:

– Там, это... Выход во двор нашли, а там... Да идите вы быстрее!

Анджей и Арчи переглянулись и, забыв про труп тайнознатца, тут же отправились за Янеком. Я поспешил следом и всю дорогу пытался разговорить здоровяка, пока тот, не выдержав наконец, не рявкнул:

– Да чего непонятного? Чернокнижников здесь логово было. Усыпили бы нас и в жертву принесли. А Брага, ублюдок, чтоб его в аду черти на вертеле поджаривали, с ними в сговоре был. Не первых нас сюда завел. Да заигрался – слухи пошли...

– А зачем сюда кого-то заманивать? Не могли, что ли, крестьян или бродяг наловить? Всяко меньше риска. – В самом деле, зачем связываться с хорошо вооруженным отрядом, когда здесь неподалеку тракт проходит, а по нему кто только не шатается? И искать никого в болотах точно не стали бы.

– Не все так просто. Темные души им зачем-то нужны были. Темные. И чем больше на человеке крови, тем лучше. А как еще сюда душегубов заманить, кроме как рассказами о сокровищах? Не выкупать же с каторги.

– Твою тень!

– Не то слово. Поживиться здесь наверняка нечем. Хотя... Все куда хуже обернуться могло.

– Куда хуже-то? И так чуть всех не поджарили.

– Если б еще и Дубраву зацепили – вообще туши свет...

– Почему? – не понял, чем это могло существенно ухудшить ситуацию, я.

– Так патенты только на него и на Марка выправлены. Без них мы для здешних стражников кто? Правильно, голь перекатная.

Тут уж и до меня дошло. Это у нас на севере каждый таскает с собой столько железа, сколько считает необходимым, а на церковных землях стража за этим следит строго. Без патента с клинком длиной больше чем пол-локтя на людях появишься – сразу в кутузку загремишь. Дружинникам стародавний императорский эдикт даровал право свободного ношения оружия только в Заозерье, а общеимперские патенты полагались лишь Дубраве и Браге, которые входили в тамошний совет Дружин.

Решив, что сказал достаточно, Арчи убежал догонять Дубраву, а я вслед за ними вошел во внутренний дворик, стены которого были сложены из массивных гранитных плит. По верху девяти колонн лежало собранное из каменных блоков кольцо, верхнюю грань которого усеивали многочисленные сколы. Избороздившие колонны трещины перечерчивали небрежно высеченные узоры и смутно знакомые рунические письмена.

Где-то я нечто подобное уже видел. Но где? Не помню. Вот только всплывает в памяти Ведьмина плешь, и все тут. Не к добру это, ох не к добру!..

Ко всему прочему посреди двора располагался круглый бассейн, заполненный затхлой темно-зеленой водой. Причем бордюры его были вырезаны из того же светлого камня с хрустальными прожилками, что и колонны, а в центре возвышался пьедестал, на котором лежал отсвечивающий серебром металлический шар размером с голову взрослого мужчины.

Но сейчас серебряный шар никого не интересовал, все молча смотрели на тринадцать лежавших вокруг пруда тел. Руки мертвецов были сцеплены между собой пронзившими кисти железными штырями, ноги закованы в приклепанные к каменным плитам пола цепи. И лежали мертвецы так уже довольно давно: вздувшиеся животы, лопнувшая кожа, синюшные пятна и

гниющая плоть недвусмысленно об этом свидетельствовали. А еще запах. Запах здесь стоял такой, что позеленел не только я, но и ко всему привычные дружинники.

– Живыми сцепляли. – Единственным, кого все это нисколько не задело, оказался Семен Лебеда, который без неуместной сейчас брезгливости опустился на корточки и поскреб ногтем подернутый ржавчиной штырь. – Гляньте! Это же дружина Крапивы!

Меня чуть не вывернуло. И, думаю, не меня одного. Да еще некстати царапнула неприятная мысль, что окажись Марк Брага с подельниками чуть расторопней, и мы поменялись бы местами с этими полуразложившимися трупами.

Наверное, дружинники так бы и стояли, пораженные жуткой картиной, но тут Язва, наконец, вспомнил, зачем мы сюда заявили и, без колебаний переступив через ближайший труп, шагнул в бассейн. По колено погрузившись в затхлую воду, он добрал до пьедестала, не без труда приподнял шар и притащил его к нам.

– Серебро, почти чистое, – мгновенно определил Змейка. Поскольку все знали о двух его братьях, отправленных на каторгу за чеканку фальшивых монет, слова Янека никто подвергать сомнению не стал.

Выходит, нам привалил неплохой куш. Корон так на двадцать золотом.

Все уже мысленно подсчитывали, сколько составит их доля, когда Шутник, ни к кому конкретно не обращаясь, задал весьма злободневный вопрос:

– Ну и кому мы эту чушку загоним? Не пилить же ее...

Топь

Коллеблющаяся над болотом пелена в лучах восходящего солнца выглядела невероятно красиво и романтично. Под легкими дуновениями ветерка завитки тумана теряли свою молочную белизну и переливались всеми оттенками розового и алого. Было бы время – просто стоял бы и любовался. Но сейчас эта красота уже успела встать поперек горла. Тут приходится выбирать, куда следующий шаг сделать, а ничего не видно уже на расстоянии вытянутой руки! И это притом, что любая ошибка может привести к стремительному погружению в вонючую черную жижу. Не удивительно, что время от времени рядом раздавался свидетельствующий о чьем-то промахе всплеск. Если бы не связывавшая всех в одну цепочку веревка, половина отряда давно бы уже была на дне.

Вдобавок ко всему, от холода стыли уши и пальцы, а оседавшие на волосах капли ледяными струйками сбегали за шиворот. Ноги давно онемели, с каждым шагом передвигать их становилось все трудней. Конечно, жарь сейчас в полную силу солнце и летай в поисках пропитания болотная мошкара, было бы несравненно хуже. Только вот думаю, через пару-тройку часов мы и это удовольствие в полной мере испытаем на своих шкурах. Как говорится, всему свое время.

А еще говорят: прямая дорога – дорога в ад. И к нашему случаю эта поговорка подходила как нельзя более кстати. Решив сократить путь, мы не стали возвращаться дорогой, по которому пришли к храму, а отправились напрямик через болото. Вообще, меня это вполне устраивало – чем раньше дружина доберется до Геладжио, тем лучше. Вот только было одно «но»: согласно карте, топь кончилась еще вчера вечером.

И теперь мы уже добрую половину суток тащились по болоту, с ужасом ожидая наступления пышущего зноем дня. Удушающие испарения, тучи кровососов и палящие лучи солнца запросто могли свести с ума даже привычных к жаре заозерцев. К тому же помимо собственных пожитков приходилось тащить нашу добычу – серебряный шар, весивший никак не меньше пуда. А то и все полтора. Пожалуй, впервые близость богатства никого не вдохновляла, и, чья бы очередь тащить серебро ни подходила, звучали одни и те же проклятия. Исключения составляли только Анджей и Шутник. Первый как командир отряда переносил тяготы пути молча, второй далеко опередил всех по части сквернословий и богохульств.

И мало того что нести котомку с серебряным шаром было само по себе весьма утомительно, так еще от врезавшейся в плечо лямки моментально затекала рука, а от тяжести ноши постоянно заносило вбок. Хорошо еще вчера мне пришла в голову замечательная мысль прихватить с собой посох одного из жрецов. Без него, думаю, давно бы уже упустил в топь нашу добычу. А тогда проще всего было бы утопиться самому.

– Долго нам еще по этому болоту ползти? – спросил я, передавая котомку бредущему впереди Арчи.

– Да мы его уже почти прошли. – Удивительно, но дополнительная ноша, казалось, не причинила Арчи никакого-то неудобства. Крякнул только, и все. – Не чувствуешь, что ли, как болото изменилось?

А ведь действительно, вязкая жижа, кое-как затянутая ковром травы и камышом, сменилась открытой водой, покрывавшей неглубоким слоем илистое дно. Вода пока доходила до колен, но ее глубина постепенно уменьшалась. На карте Браги, если не ошибаюсь, лес, через который проходит тракт на Геладжио, начинался сразу после небольшой заводи. Неужели дошли?

– Пройти, может, и прошли, да только непонятно, зачем мы вообще в топь полезли? – смачно сплюнул себе под ноги Язва.

Вот так он и ворчал почти всю дорогу. Понятно дело: его шикарные новые сапожки за время путешествия по болоту превратились в полуразвалившиеся обноски. Тут не только ворчать, тут взвять в самую пору. Честно говоря, мои сапоги были в ненамного лучшем состоянии. Левая подошва вообще могла оторваться в любой момент. И ведь снять обувь никак нельзя: попадавшие обломки камыша хоть и были полусгнившими, но пропороть ногу могли запросто.

– Не нравится – можешь вернуться и пойти правильным путем. – Хромавшему замыкающим Власу Чарке давно уже осточертело слушать это нытье.

Язва ничего не ответил, только снова сплюнул. И, словно в ответ на его плевков, вода вспенилась, из нее взметнулась тварь, отдаленно напоминавшая гигантскую лягушку. Черную лягушку размером с собаку с пастью, полной острых зубов.

Как бы я ни относился к Язве, реакцией он обладал отменной: его копье моментально описало дугу и ударило прямо в раскрытую пасть. Зубы лязгнули о лезвие, и лягушка напоролась небом на острие.

Но радоваться удаче было некогда: со всех сторон на нас накинута еще десяток болотных отродий. Шагнувший вперед Арчи успел взмахом двуручника перехватить выпрыгнувшую из воды тварь, но лезвие меча, вместо того чтобы рассечь ее напополам, жалобно звякнуло и отскочило в сторону. Не ожидавший подобного поворота событий здоровяк, не удержал рукоять в ладонях, и меч, булькнув, исчез во взбаламученной воде.

Из железа у нее шкура, что ли?

– Твою мать! – с досады рявкнул здоровяк и принялся нашаривать что-то у себя на поясе.

Я успел заметить, как неподалеку упал в воду сбитый с ног дружинник, но помочь ему уже не успевал: одна из черных лягушек попыталась вырвать мне глотку. Вовремя подставленный посох отбросил тварь в сторону, но при этом его конец зацепился за связывавшую меня с Язвой веревку, и импровизированная дубинка шлепнулась в воду. Ничего не оставалось, как выхватить меч и рассечь связку, делавшую меня слишком неповоротливым.

Лягушка вновь вынырнула из воды, но я ошибку Арчи повторять не стал и, дождавшись прыжка, воткнул клинок прямо в открытую пасть. От удара кисть чуть не вывернуло, и клинок глубоко вошел в глотку. Даже слишком глубоко: изо всех сил рванув меч на себя, освободить его у меня не получилось. И что теперь делать?! Не оставлять же здесь?

Арчи, наконец, вытащил из кошеля шар Браги и с силой швырнул его в воду. А потом еще и потоптался по месту его падения ногами. Вода забурилась, по ней во все стороны начало расползаться пятно бледно-синего цвета. Попадавшие в окрашенную воду лягушки сразу же цепенели и начинали медленно покачиваться на волнах.

Вот и сонное зелье пригодилось.

– Быстро, за мной! Бегом! – крик Дубравы застал меня за попыткой найти оброненный посох.

– Чего это... – начал было я, но Арчи не дал договорить и, схватив за плечо, почти швырнул вперед.

– Беги! – прорычал здоровяк и понесся вслед за Анджеем. Что самое удивительное – он даже не попытался подобрать свой меч.

Солнце уже поднялось над горизонтом, туман почти рассеялся, и сразу стало ясно, куда устремился Дубрава: на небольшом островке возвышалось здание, сложенное из покрытых мхом и лишайником камней. Крыша в нескольких местах обвалилась, но покосившиеся от времени стены еще стояли, а с нашей стороны в фасаде чернел провал выломанной двери. Если других проходов нет, то держать оборону там можно будет, пока не сдохнем от голода.

Только от кого нам обороняться? Не от лягушек же?

Бежать по доходившей до колен воде было нелегко, но меч я бросать не собирался и так и тащил за собой увесистую тушку мертвой лягушки. А некоторым приходилось еще хуже:

в середине отряда Шутник и Висельник, подхватив под руки, волочили между собой Леха Зарницу.

– А чего случилось-то? – прохрипел я.

– Охотничья стая, – размеренно задышал почти не запыхавшийся Арчи.

– Чья?

– Гоблинов.

Словно в подтверждение его слов из тумана вылетели несколько дротиков и, перелетев нас, почти без всплеска исчезли в мутной воде.

До острова оставалось всего с полсотни шагов, когда бежавший сбоку от меня Янек взмахнул руками и с головой ушел под воду. Чертыхнувшись, я левой рукой ухватил его за кисть и, чувствуя, как осыпается под ногами песчаный край ямы, потянул на себя. Парень, едва не утащив меня на дно, вынырнул из воды, хлебнул воздуха и, отплевываясь, выполз на мелкое место. Бежавший за нами Семен Лебеда помог поставить его на ноги, и мы рванули за остальными. Причин для такой спешки было предостаточно и с каждым мгновением количество их только прибавлялось: вылетающие из тумана дротики уходили под воду все ближе к нам.

Мы успели. Я одним из последних заскочил в дом, и тут же в проход и узкие бойницы начали залетать короткие дротики. Хрупкий обсидиан наконечников разлетался на мелкие острые осколки и несколько человек даже заполучили глубокие кровотокающие царапины, прежде чем догадались обратиться подальше от опасных мест.

Едва переставляя онемевшие ноги, я отошел подальше от пролома в стене и повалился на каменный пол, который сейчас показался мне мягче перины. Фу-у-у, чуть не сдох. Ничего не скажешь, вляпались. Все племя на охоту за нами вышло, что ли? Хорошо хоть с убежищем повезло: вход в развалины был только один.

– Арчи, Язва и Петелька на входе. Змейка и Лебеда, проверьте второй этаж. Шутник и Кейн к пролому в полу. – Анджей успел оценить ситуацию и начал отдавать распоряжения. – Остальные могут отдыхать, вряд ли гоблины сюда днем полезут. У кого что посуше есть – подложите под Леха, я им сам займусь.

Я подхватил все еще торчавший из пасти лягушки меч и поволок его вместе с тушкой к пролому. Когда-то здесь была ведущая в подвал лестница, но сейчас от нее осталась только куча каменных обломков, да полусгнившие перила.

– Знаешь, Шутник, что мне нравится в нашем положении? – Клинок застрял намертво, и я принялся его осторожно расшатывать.

– Что? – Габриель никак не мог отдышаться. Не удивительно при его-то животике.

– То, что мы внутри, а гоблины, наоборот, снаружи. – К моему немалому облегчению меч начал понемногу высвобождаться.

– Да? А ты никогда не слышал историю о мальчике, который спрятался от солнца в тени тролля?

– Это ты к чему?

– А ты принюхайся, – предложил Шутник, который напряженно вглядывался в темень провала, но, похоже, ничего кроме обломков лестницы разглядеть внизу не мог.

Я и принюхался. Болотная вонь притупила мое обоняние, но исходящее снизу зловоние не почувствовать было невозможно. К горлу моментально подкатил комок тошноты, и меня чуть не вырвало.

– Воняет так, будто что-то большое залезло туда и сдохло, – предположил я, вытащив из лягушачьей пасти меч, и едва успел убраться от хлынувшей желчи и черной со сгустками крови.

– Ага, или кто-то ему там сдохнуть помог. – Шутник отошел от края пролома и уселся у стены. – Видел что с Лехом?

– Не-а, а что? – Я хотел было выкинуть тушку лягушки вниз, но заинтересовался ее шкурой. К моему удивлению, на ощупь она оказалась достаточно мягкой.

– Да вот такая зверюга ему ногу прокусила, так и волокли его вместе с ней. Зубы разжать не смогли.

– Да ты что? Так и притащили ее сюда? – Я задумался. А ведь как раз мне на сапог хватит. Только шкуру снять надо аккуратней.

– Угу. Кара это нам, – неожиданно заявил Габриель. – За то, что в детстве лягушек через соломинку надували.

– Иди ты, – даже не улыбнулся я.

– Наверху все чисто, крыша, правда, почти везде обвалилась, – доложил вернувшийся со второго этажа Лебеда. Дубрава сразу же отправил его и Янека в помощь Язве, а Арчи велел двигать к нам.

– Внизу никто не шебуршит? – спросил Арчи, выбирая более-менее сухое место рядом с проломом. – Или это вы уже туда нагадить успели?

– Да вроде ничего не слышно, – пробормотал пожившийся Шутник.

Я был полностью занят снятием шкуры и только поэтому не посоветовал Арчи спуститься вниз и проверить самому.

– А кормить нас сегодня будут? – Габриель похлопал себя по животу, туго обтянутому бригадиной. – А то у меня уже в животе бурчит.

– Анджей вроде распорядился насчет кормежки. – Арчи наконец выбрал место и устроился на полу. – Вон, костер уже развели.

– Ах ты! – Нож соскользнул со шкуры и едва не располосовал мне палец. – Да тень с ней, с кормежкой. Скажите лучше, как мы отсюда выбираться будем?

– Ну, есть два варианта: или гоблины сами уйдут, когда нас караулить надоест, или через них прорываться придется. – Шутник поднялся на ноги. – Пойду, уголек возьму, а то мы законеем тут.

– Ага, уйдут они, как же.

– Да ты не забивай голову всякой ерундой. У нас командир есть, вот пусть он и думает, – кивнул Арчи в сторону Дубравы и тихонько вздохнул. – Гадство, как же я так лопухнулся?

– Ты о чем?

– Да меч жалко. Теперь такую ковку и не найти.

– Молот-то не потерял? Нет? Вот и радуйся. А меч еще лучше найдешь. Если отсюда выберемся, конечно.

– Не если, а когда, – поправил меня здоровяк и похлопал рукой по рукояти молота. – Надо было эту гадину им долбануть. Но кто ж знал?

– Это точно.

– Слушай, а ты куда после Геладжио направиться думаешь?

– Не знаю. Если все нормально будет, то обратно на север. – Раньше я об этом действительно даже не задумывался. А надо бы. Но он-то чего этим заинтересовался? – А что?

– Да так, ничего. Я б тоже на север двинул. Там, говорят, нехилая заварушка намечается, так что наемники в цене будут, – пожал плечами Арчи и начал расщеплять ножом уцелевшие остатки перил. Правильно, вон Шутник уже с углями возвращается, растопка в самый раз будет.

– У нас никогда спокойно не было. Привыкли. – Я еще раз окинул взглядом дружинников и неожиданно впервые для себя отметил, что, кроме Арчи и Габриеля, все остальные в отряде уроженцы Заозерья.

– Ха! На этот раз худые герцоги всерьез решили друг другу глотки перегрызть.

Худые герцоги. Может быть, очень даже может быть. У них между собой старые счеты. Одна Долина Кедров чего стоит. Только вот силы герцогств примерно равны и первым начать

войну никто не рискнет. Хоть и ходят слухи, что Йорк слишком уж со своими северными соседями – эльфами сблизился. Там вроде даже собирались уравнивать полукровок в правах с людьми. Церкви это нравиться не может и понятно, что она более благосклонно относится к великому герцогству Ранлоу, через земли которого к тому же проходит императорский тракт. А это, между прочим, единственная возможность добраться в Северные княжества посуху.

– Ну, так и шел бы на север, в чем проблема? – Я, наконец-то, закончил со шкурой и принялся очищать от зеленой слизи нож.

– Хорошо бы, но я все же вместе со всеми обратно в Заозерье двину. – Арчи нахмурился и потер переносицу. – Там степной поход намечается, нас в Золовинке к началу осени ждут. Из Костровицы, Дымья отряды подойдут. Золото рекой течь будет. Может, ты с нами? Дубраве люди в дружину сейчас как раз нужны.

– Против кого поход-то? – Я почесал затылок. – В степи у вас кто? Орки? Золота у них отродясь не было.

– Орки, разбойники, контрабандисты. Вампиры с Кровавого Утеса чего-то в последнее время зашевелились. Да какая нам разница? – Арчи расплылся в улыбке. – Церковь платит.

– Да зачем церкви наемники? У нее и своих войск хватает.

– Какие там войска-то? – подошедший Шутник пристроил пару горящих веток меж камней и принялся подкидывать наструганные Арчи лучины. – Благородные рыцари из ордена «Пламенеющего меча» на такие дела не годятся. Ручки пачкать не захотят. Да и жарко в степи в латах, а они потеть не любят...

Арчи дернулся было что-то сказать, но промолчал, и Шутник продолжил:

– Гарнизоны никто снимать и гнать в степь не станет, как бы еще подкрепление в северные марки Полесья или на побережье отправлять не пришлось. И кто остается? «Заблудшие» и «Раскаявшиеся». Но для них и на церковных землях работы хватает. И на границе с Восточным Норлингом опять беспокойно. Да и вообще...

Что «вообще» – узнать не удалось. Закончив с Зарницей, к нам подошел Дубрава с явным намерением выкинуть в провал мертвую лягушку.

– А вот этого делать не стоит, – перехватил его Арчи. – Мало ли кто там внизу может быть? К чему лихо будить?

– Это точно, да и мне на второй сапог кожа не помешает. – Я подхватил выброшенную задумавшимся Анджеем лягушку и примерился к ней ножом. Второй раз снимать шкуру вышло гораздо сподручней.

– Ага, и жрать нам тоже что-то надо. – Шутник достал из-за голенища нож, откромсал от первой тушки лапку и принялся пристраивать ее над разгоревшимся костерком.

Это он правильно придумал: неизвестно, сколько нам здесь еще торчать. Как бы ремни и сапоги варить не пришлось.

– Вот что ребята, надо бы вниз спуститься посмотреть, что там и как. Здание старое, может, ход подземный есть. Глядишь, мы через него и уйдем потихоньку. А то и гоблины снизу ползут... – Дубрава не закончил фразу и посмотрел на нас. – Кейн и Арчи, займитесь.

– Дак высокогато будет. Ноги запросто переломаем, да и не выбраться оттуда потом. – Я заглянул в темный пролом, и меня передернуло. Не хочу вниз. Может, обойдется?

– Лебеда! – крикнул Анджей. – Живо тащи сюда веревку!

– И темно там. Не видать ни черта. – Арчи тоже не горел желанием спускаться в провал.

– Это как раз не проблема. – Командир порылся в сумке и достал серебристую бутылочку с горлышком в ладонь длиной. Вот оно как! Магический светильник. Вернее, алхимический. Хоть и из тех, что подешевле, но все же стоит кучу золота. Никак, Браги наследство.

Все, приплыли. Теперь не отвертись. Откажешься выполнять приказ – скинут в пролом без всякой веревки и хорошо, если перед этим нож под ребра не загонят. Или все-таки вниз спустят с веревкой, но только с веревкой уже на шее.

Да уж, ситуация. Придется лезть. Интересно, глубоко там? Не хотелось бы искупаться – и так не просох еще. Да и мало ли кто на глубине скрывается может.

Веревку, длины которой с лихвой хватило, чтобы достать до воды, закрепили в пять минут. Арчи поплевал на ладони, дернул пару раз ее за конец, проверяя узлы, неразборчиво пробормотал себе под нос то ли ругательство, то ли короткую молитву и перекинул ноги через край пролома. Я присел рядом с ним.

– Ну, с Богом! – Здоровяк глубоко вздохнул, обхватил ногами веревку и, сжимая в одной руке молот, заскользил вниз.

Я не решился повторять его трюк и спустился, зажав нож в зубах. Когда мои ноги коснулись залитого водой пола, Арчи уже успел отойти пару шагов в глубь подвала и теперь напряженно вглядывался во тьму.

– Ноги не переломай, тут обломки какие-то под водой, – прошептал он мне.

Что значит какие-то? Лестницы это обломки, понятно дело.

Сжимая в правой руке меч, а в левой нож, я последовал за ним. Ну и воняет здесь! Потемневшие от влаги каменные стены покрывал какой-то белесый грибок. Создавалось впечатление, что он немного светится. Или это мне только кажется?

Мы медленно побрели вглубь подземелья, где к моему удивлению, уровень воды понизился и теперь даже не доходил до середины щиколотки. Темно было – хоть глаз выколи: проникавшего сверху света едва хватало, чтобы кое-как разогнать мрак. Я бросил взгляд назад, но сумел различить лишь смутное пятно пролома в потолке. Ну и где светильник? Я-то вижу в темноте очень неплохо, но еще пара шагов во тьму и мне не удастся даже Арчи различить. У него самого кошачьи глаза, что ли?

Заскрипела кожа – это Арчи достал из-за пояса светильник, выдернул зубами пробку и выплюнул в воду. Бутылочка засветилась мягким серебристым сиянием, на стенах подвала и ровной глади воды заметались оранжевые отблески. Подземелье оказалось гораздо меньше по размерам, чем помещение наверху. До дальней стены оставалось пройти еще шагов десять, не больше.

И никаких проходов. Нет, через подвал не выбраться. И что, ждать, пока гоблинам надоест снаружи торчать? С другой стороны, никаких голодных тварей здесь не наблюдается. И то хлеб.

– Ну что, возвращаемся? – осторожно нащупывая носками сапог дно, подошел я к Арчи.

– Обожди.

Обожди? Неужели ему охота здесь мерзнуть? Да и от запаха плесени потом не избавиться. Какого рожна он тут забыл? Но, проследив за взглядом здоровяка, я увидел, что именно привлекло его внимание – там, где каменные плиты пола выступали из воды, в сиянии светильника блеснула сталь.

Арчи засунул молот в петлю и осторожно наклонился. Когда он выпрямился, отблески светильника вспыхнули на извилистом лезвии фламберга. Клинок чуть ли не в четыре локтя длиной оказался без малейших следов ржавчины. Ничего себе! Не знаю, каково качествоковки, но, по моему мнению, это весьма неплохая замена потерянному двуручнику.

– Здесь что, кто-то был недавно? – спросил я, убирая оружие в ножны и внимательно осматривая пол.

А ну, как и мне улыбнется удача? Если оставили такой меч, то и еще что-нибудь ценное завалиться могло. Так, а это что за хлам? Нет, ничего интересного – ржавый шлем, череп с раскрошившимися желтыми зубами, рассыпавшаяся на отдельные звенья кольчужная рукавица, позеленевшая от сырости медная пряжка ремня, панцирь с торчащими из него обломками костей... И никакого намека на кошель. Видно, не судьба.

– Не думаю – кожа на рукояти совсем сгнила. Ты только посмотри! Лезвие будто в воде и не лежало. Гномья работа.

– Гномы и двуручник? Ни разу не слышал.

– На севере – да. А в Анклаве, если хорошо заплатишь, они тебе и церковный колокол отольют. Только кому он такой нужен? Ладно, давай выбираться отсюда – светильник уже гаснет.

Я развернулся вслед за Арчи и со всего размаха налетел на панцирь, который от сильного пинка даже перевернулся. Несмотря на меркнувший свет, мне сразу бросилась в глаза черная рукоять всаженого в бок клинка.

Короткий широкий нож без труда выскользнул из доспехов и как ни странно, ни его рукоять, ни лезвие ничуть не пострадали от долгого нахождения в воде. Я сунул нож за голенище сапога и побежал к Арчи, который уже начал карабкаться по веревке наверх.

Выбравшись из подвала, я первым делом уселся греться у разведенного Шутником костра и, не дожидаясь приглашения, снял с вертела лягушачью лапку. Пахло неплохо, и на вкус было тоже очень даже ничего. Или это мне с голодухи кажется? Как бы то ни было – голод отступил. Надеюсь, желудок и дальше будет относиться к столь странному угощению благосклонно.

Закончив отчитываться перед Дубравой, Арчи вернулся к костру и тоже получил от Шутника лягушачью ножку. Расправившись за пару укусов с мясом, здоровяк вытер руки и начал внимательно разглядывать найденный в подвале меч. Свободные от дежурства дружинники тут же собрались вокруг и принялись обсуждать непривычную форму клинка.

– Ну и что там воняет? – полюбопытствовал Шутник, которого фламберг несколько не заинтересовал.

– Да, похоже, эта плесень и воняет. – Я попытался вытереть о стену заляпанный рукав камзола, но только еще больше размазал блеклое пятно плесени.

Потом вспомнил о найденном ноже и вытащил его из-за голенища. Странный клинок. Режущие кромки и острие матово-серебристые, а ближе к середине начинали попадаться прожилки черного металла, похожего на тот, из которого изготовлена рукоять. Стараясь получше рассмотреть свою находку, я подошел к одной из бойниц и внезапно сильно раскалившийся металл обжег ладонь. Выроненный клинок тихо зашипел на сыром полу.

– Ни хрена себе! – затряс я рукой.

Подошедший Янек накрыл нож краем плаща, поднял и отошел в тень.

– Фу-у, – разочарованно протянул он и скорчил гримасу. – А я-то думал...

– Чего это с ним? – поинтересовался я, забирая клинок.

– Да просто какой-то недоучка металл загубил. Сплав до ума не довел или просто поторопился. Видишь: лезвие светлое – это гномово серебро. Что за черная ерунда, не скажу, но это из-за нее нож на свету нагревается, можешь не сомневаться. Вытащишь на солнце – запросто без руки останешься.

Странный ножичек. Ничего, хорошему оружию и ночью применение найдется. Клинок, завернутый в лоскут ткани, отправился в потайной карман камзола. Благо, размеры позволяли.

– Как думаешь, мы надолго здесь застряли? – поинтересовался я у Змейки, проверяя, не давит ли рукоять ножа под ребра.

– Да вроде нет. Анджей с Лехом что-то придумали, – мотнул кудрявой головой Янек в сторону костра и, закатав шаровары, принялся рассматривать здоровенный кровоподтек под левой коленкой.

Что они там могли придумать? Вон как Зарницу лихорадка трясет. Он и ходит-то еле-еле. Или мы без него прорываться будем? А уходить отсюда, кровь из носа, до заката надо. Эти выродки зеленые в темноте видят куда лучше нашего брата, как стемнеет – сразу на штурм пойдут.

– Хэй, слушайте сюда. – Опершись одной рукой о стену, Зарница поднялся на ноги, на его бледном лице выступили крупные капли пота. – Я с вами уйти не смогу, не угнаться мне за вами. Один пойду. Пока от гоблинов драпать буду, глядишь, и вам оторваться удастся.

– После того как выйдет Зарница, прорываемся к северному берегу. Ты, Лех, не тяни и сразу уходи на глубину... – Дубрава начал распределять обязанности, но я его уже не слушал. Не оторваться Леху от гоблинов, с прокушенной-то ногой. И сам пропадет, и нам не поможет. Хотя, если...

– Янек, слушай, у тебя еще чертов корень есть?

– Есть, но он размок весь.

– Это ничего. Сможешь его растереть, как для бесова зелья надо?

– Смогу, а зачем тебе?

– Ты делай, потом объясню. – Я направился к Дубраве, на ходу вспарывая подклад камзола и доставая защитный мешочек пыльцы фей.¹⁰ Замотанный в просмоленную ткань порошок не промок и вполне годился для приготовления нужной мне смеси. Чертов корень, вообще-то, у меня тоже был, но зачем тратить свои запасы, если есть возможность прошерстить чужие?

– Анджей, я для Леха одно зелье укрепляющее могу приготовить.

– Какое еще зелье? – уставился на меня Дубрава. – Зачем?

– Нога болеть перестанет, двигаться быстрее будет. Шансов до глубины добраться всяко прибавится.

– И долго, Кейн, твоё зелье действует? – Зарница закончил проверять пропитавшуюся кровью повязку и, опершись о стену, выпрямился.

– Минут десять.

– Не, с вами уйти не смогу, – переглянулся с командиром Лех. – Ладно, северянин, готовь свою отраву. Нога ноет – сил нет. Может, хоть полегчает.

– Янек, иди сюда. – Я забрал растертый в ложке корень и начал осторожно смешивать его с пыльцой фей.

– Чего бодряжишь? – принялся с интересом следивший за моими действиями Язва.

– Чертов корень и пыльцу фей. – Отвечать не хотелось жутко, но деваться было некуда. Слышал кто про пыльцу фей, нет? А если слышал, то все ли?

– А! Перхоть эльфов, знаю, пробовал, – с видом знатока кивнул Язва. – Ведьмина паутина получше будет.

– На вкус и цвет... – Вскоре зелье было готово, и я с облегчением протянул ложку Зарнице. – Не глотай, пальцем в десны вотри. Подействует не сразу, немного подождать придется.

– Живо все сюда! Язва и Арчи впереди, потом я и Семен. Кейн и Влас замыкающими. – Анджей начал отдавать распоряжения, и мы выстроились по обе стороны проема в стене. – Ну, как, Лех, готов? Тогда пошли!

Зарница выскочил наружу первым. Переставшая на время болеть раненая нога не помешала ему уклониться от брошенных гоблинами дротиков и вырваться из кольца слишком поздно кинувшихся наперерез караульных. Через пару мгновений он уже достиг берега острова и, поднимая высокие брызги, скрылся из виду. Что ж будем надеяться на зелье...

Выждав некоторое время, мы тоже выскочили из руин. И вот тут-то и выяснилось, что далеко не все гоблины бросились в погоню за Лехом. Притаившиеся за углом болотные выродки сразу же осыпали нас градом дротиков, и выскочившим первыми дружинникам пришлось вновь укрыться в доме. Серьезных ранений, к счастью, ни у кого не оказалось, только Лебеде бритвенно-острым обсидиановым лезвием отсекло половину уха, и теперь он безуспешно пытался, заматывая рану обрывком рубахи, остановить хлеставшую из раны кровь.

– Ну и что делать будем? – уставившийся на лезвие своего копы Язва старательно старался не смотреть на Дубраву.

¹⁰ Пыльца фей – пыльца эльфийского подорожника. Сама по себе – легкий галлюциноген, но обладает свойством усиливать токсикологический эффект других наркотиков растительного происхождения.

– Сейчас отдыхать будем. – Анджей вздохнул и продолжил: – Зеленые раньше ночи не полезут. Будем надеяться, Зарница кого-нибудь приведет.

Да, ситуация. Самим нам не прорваться. Там этих тварей дюжины четыре наберется. Черных лягушек не видно, но это утешение слабое: нас и без них дротиками утыкают, что твоего ежика. И ведь не сблизиться с гоблинами быстро по такой трясине-то...

Наждам Анджея сбыться не довелось. Не прошло и получаса, как снаружи раздалось издевательские завывания, и в дверной проем влетела жутко изуродованная голова Леха. Глаза, губы и язык были вырезаны, череп раскрыт. Лично мне с рвотными позывами удалось справиться с трудом. Да и остальные пригорюнились.

Первым опомнился Арчи:

– Не убежал, значит. Что ж, пойду хоть голову похороню.

Я только покачал головой, удивляясь его выдержке. Все здоровяку нипочем. Может, от ограниченности умственной, а может, он и не такое выдвигал.

– А мозги-то они зачем вытащили? – Вот Янеку удержать в себе скудный завтрак не удалось.

– Жрать будут. – Пригнувшись, Шутник осторожно выглянул из бойницы. – Вон и костер запалили.

Действительно – группа зеленых недомерков уже суежилась вокруг костра, разведенного шагах в ста от приютивших нас развалин. Дозоры, тем не менее, они выставить не забыли: поочередно наблюдатели отбегали к костру, но на это место тут же направлялся кто-нибудь другой. Так что о повторении попытки прорыва пока не могло быть и речи.

Некоторое время спустя до нас донесся запах жареной человечины, и меня снова замутило. Интересно, там на всех мяса хватит?

Я отошел подальше от двери, присел у стены и, задумавшись, сам не заметил, как задремал.

– Кейн! Иди сюда! – вырвал меня из полудремы голос Дубравы.

– Что случилось?

– Смотри!

Вид у командира был на редкость озадаченный. С чего бы это? Выглянув в бойницу, я сразу понял причину его удивления: вокруг костра вповалку валялись гоблины и лишь иногда скрюченные тела людоедов дергали короткие судороги. И что самое важное – всех часовых постигла та же участь.

– Не похоже, что они притворяются. Не додуматься им до такого. – Анджей нахмурился. – Не знаешь, что с ними приключилось?

– Может, съели чего-нибудь не то? – ляпнул я и тут же об этом пожалел.

– Выходим! Быстро! – не получив вразумительного ответа, Дубрава перестал обращать на меня внимание и, на ходу надевая шлем, бегом бросился к двери. – Живей, пока новая стая не появилась. До заката надо успеть до дороги на Геладжио добраться.

Дружинники схватили оружие, в момент проверили снаряжение и бросились наружу. Нет, точно не ловушка: покрытые мелкой зеленоватой чешуей тела продолжали все так же неподвижно валяться на земле. Кожаные обноски и обсидиановое оружие не представляли никакой ценности, и мы не стали тратить время на поиск стоящих трофеев. Мне бы, конечно, новая обувь совсем не помешала, только вот гоблины все как один босые, а сшитые из листьев гигантских кувшинок болотоступы мой вес не выдержат.

– Слушай, Кейн, а это не из-за твоего зелья приключилось? Съели они беднягу Леха и отравились, – поинтересовался некоторое время спустя уже давненько с подозрением поглядывавший на меня Арчи.

– Не знаю, не знаю. Вот вампиры от чертова корня дохнут, это точно. Может, и гоблины тоже?

– С вампирами не все так просто. Там все на кровь завязано. А гоблины... Хотя... все, конечно, может быть. – Арчи о чем-то задумался и больше с расспросами не лез.

Я с облегчением вздохнул. Не рассказывать же, в самом деле, что ни один понимающий человек в здравом уме не смешает чертов корень с пыльцой фей. Только в крайнем случае. В самом крайнем.

Смесь выходила настолько мощной и ядовитой, что в Северных княжествах ее прозвали «Поцелуем тьмы». Принявшие это дьявольское зелье умирали не позднее, чем через полчаса, но за это время обычно успевали натворить столько дел, сколько не под силу и дюжине головорезов. И что самое паскудное – отравы настолько пропитывала их тела, что иногда даже травились люди, занимавшиеся подготовкой этих покойников к погребению.

На это, собственно, я и рассчитывал, но стоит ли откровенничать с Арчи? Вряд ли хоть кто-нибудь в дружине оценит мой поступок.

Нет, думаю, лучше держать язык за зубами. Так оно спокойней как-то...

Ярмарка

Выстиранная и просушенная одежда мягко шуршала и слегка отдавала полевыми травами. Как же, тень побери, приятно впервые за несколько дней, смыв болотную грязь, вновь почувствовать себя чистым!

Я ухмыльнулся, припомнив выражение лица содержателя постоялого двора, когда к нему завалилась орава грязных дружинников, от которых так и несло болотной вонью и гниющей тиной. К его чести, сориентировался он быстро и не упустил возможность неплохо заработать на приведении нас в божеский вид. Бадья с горячей водой, цирюльник, выстиранная и просушенная одежда – что еще надо измученным тяготами пути странникам для полного счастья? Разве что чем-нибудь набить живот, так за этим тоже дело не станет. И если за все это великолепие придется выложить немного монет, кто станет скуписья?

После того, как мы привели себя в порядок, а Дубрава договорился с хозяином о ночлеге и кормежке, дружинники, оставив оружие и пожитки под охраной весьма недовольного выпавшей ему ролью сторожа Янека, отправились поглазеть на ярмарку. Все правильно – когда еще такой случай подвернется?

Я тоже решил прогуляться, но вскоре незаметно отстал от зазерцев и, на всякий случай придерживая рукой кошель, внимательно осмотрел разбитые прямо на центральной площади села шатры. Честно говоря, меня больше интересовали не они, а спящие у лотков зеваки. Впрочем – зеваки как зеваки. Все как обычно: кто за покупками приехал, кто просто себя показать, на других посмотреть.

Спину словно уколот чей-то взгляд, и я резко развернулся на месте. Показалось, что ли? Должно быть. Внимания на меня никто не обращал, и я немного успокоился. Вот ведь как нервы расшалились! Надо бы чего для успокоения выпить.

Выскочивший из лавки лекаря Арчи, не заметив меня, исчез за соседним шатром. Что-то вид у него больно хмурый. Зубы разболелись? Да ну и тень с ним.

Ярмарочные суэта и веселье легко прогнали подступившую было хандру. Прикрыв глаза, мне на мгновение даже удалось ощутить беззаботный дух праздника. Не так ведь много лет минуло с тех пор, как и на нашу ярмарку собирался люд со всех окрестных деревень, а купцы – те и вовсе приезжали аж из северных марок Полесья и Худых герцогств.

– Пирожки! Горячие пирожки! Только что из печи! С капустой, мясом, ливером!

– Квас! Лучший на Западном побережье квас!

– Подходи, шевелись! Почти задарма отдаю!

– Точу ножи!

– Пряжа, ситец, лен!

– Держи!.. Держи его!..

– Посуда!

– Точу ножи!

– Пряжа, ситец, лен!

– Серебряную корону?! Окстись!

– Чудо чудное, диво дивное! Денег не жалеи, подходи, не робей!

– Пиво, пиво!

– Раки, вареные раки! С укропчиком, пальчики оближете!

– Попробуй счастья! Плати медяк, выиграй серебряк!

– Ах ты, подлец!

– Рыба, свежая рыба! Форель, щука, лещ! Только выловленные, специально к вашему столу!

– Яблоки! Яблоки спелые! Яблоки моченые! С бочки уступлю медную корону!

Крики и гомон толпы прогнали хрупкое очарование праздника, но настроение от этого не испортилось – прошлого не вернуть, зато можно изменить будущее. По крайней мере – попытаться.

Я немного постоял у дававших представление кукольников, потом поглазел на пару перекидывавшихся горящими факелами жонглеров и отшил привязавшегося хироманта. Попрошайки, те и сами, глядя на мой потертый камзол, держались поодаль и надоедать не решались.

Не забывая оборачиваться и посматривать по сторонам, я подошел к лотку со сладостями и оглядел выложенные на него лакомства. Засахаренные орехи, леденцы, печенье, сдоба и медовые пряники меня интересовали мало, но требовалось убедиться, что никто не встал на мою тень. Разумеется, умелого соглядатая так не выявить, но знакомых рож поблизости точно не видать.

Купив на медяк пару печеных яблок, я отправился дальше, стараясь не обкапаться сладким соком. И хоть наблюдатель решил бы, что мне просто интересно поглазеть по сторонам, теперь мое внимание приковал к себе серый шатер, весь изрисованный черными символами и надписями на никому не ведомых языках. Кое-что из написанного удалось разобрать, но, по большому счету, тайного смысла в чудных словах было не больше, чем в отпечатках куриных лап на птичьем дворе.

Оно и правильно – зачем выставлять на всеобщее обозрение тайны ремесла? Главное – произвести впечатление на простаков. Вот только, судя по черным потекам и старым полустершимся линиям, рисовали на шатре скорее всего обычным углем. А стало быть, дела у ярмарочного тайнознатца идут не лучшим образом. Мне, честно говоря, это только на руку – не думаю, что в таком положении он заломит слишком уж высокую плату.

– Заходи, и Риккардо Закатный откроет перед тобой тайны прошлого и секреты будущего! – поприветствовал меня закутанный в серую хламиду тайнознатец и провел рукой по верх стоявшего на раскладном столике хрустального шара. Внутри камня замелькали серебристые искорки.

– Нужны они мне, – буркнул себе под нос я и уселся на выставленный перед столиком складной стульчик.

А здесь ничего так – вполне логову колдуна обстановка соответствует. По стенам развешены зловещего вида амулеты, из-под потолка свисает чучело филина, а в пустых глазницах стоявшего на столике пожелтевшего черепа мигают желтые огоньки. Под потолком что-то зашуршало, тени по углам шатра сгустились и закружились, заглушая доносящиеся с улицы крики.

– Чего желаете? – замогильным голосом поинтересовался Риккардо, стараясь соответствовать мрачно-торжественной обстановке, и прикоснулся к медальону со сверкавшим хрусталем зрачка серебряным глазом – эмблемой Дома Судьбы.¹¹ Безделушка была выполнена настолько бездарно, что не спутать ее с настоящей хватит ума и у самого распоследнего церковного стражника. На это, думаю, и расчет. – Отринуть покров со зловещих тайн древних мистиков? Или вас интересуют более приземленные материи? Сглаз и порчу может обнаружить любая гадалка, но только от хрустального шара не скроется ни одно даже самое темное проклятие.

– Мистика – это не совсем то, что мне нужно, – усмехнулся я. – Меня скорее интересует практическая сторона вашего дара...

– Порчу не навожу, – отрезал хозяин шатра, моментально оценив мою внешность. – Ведьминой паутиной и чертовым корнем не торгую.

¹¹ Дом Судьбы – школа тайнознатцев, специализировавшаяся на ясновидении и предсказаниях. За несколько дней до начала морской блокады Аргена большая часть тайнознатцев этой школы отплыла в Западный Норлинг.

– Послушайте, уважаемый, мне надо найти одного человека, – начал я и, успокаивая еще более встревожившегося тайнознатца, наверняка принявшего меня за шпика, добавил: – Вот для этого и понадобится ваше умение.

– Поисковые заклинания относятся к разряду самых сложных, – осторожно начал набивать себе цену Риккардо.

– Уверен, для столь знающего человека, как Риккардо Закатный, это просто ерунда, – не дал договорить ему я. – К тому же у меня есть волос.

– Волос?.. – задумался тайнознатец. – Это упрощает дело. А уж если вы располагаете золотым шлемом...

– Вы, вероятно, хотели сказать – медной короной... – очень мягко поправил ярмарочного шарлатана я.

– Я сказал то, что хотел сказать. – Риккардо вновь взмахнул рукой, и в шатре сразу же посветлело. – Это будет стоить золотой шлем и ни медяком меньше.

– Это не серьезно. Я могу предложить шлем, но серебром.

– Да даже серебряной короны и той на уплату церковной пошрины не хватит!

– Думаю, стоит поискать другого специалиста в этой области, – начал приподниматься со стула я.

– Долго искать придется.

– Я не тороплюсь.

– Два щита золотом, – дал слабинку колдун.

– Один, – тяжело вздохнув, я выложил на столик свой единственный золотой. Расставаться с монеткой, только утром полученной от Дубравы, которому удалось выгодно продать меч и доспехи Браги, было невыносимо жалко, но в Геладжио за это же самое заклинание с меня сдерут на пару золотых щитов больше. – Оплата только в случае успеха.

– До свидания, – демонстративно скрестил на груди руки тайнознатец. – Или плати или проваливай.

Я щелчком отправил монетку на другой край стола.

– Волос давай, – Риккардо скинул капюшон, оказавшись совсем молодым парнем, и решительно убрал на пол подставку с хрустальным шаром. Взамен достал потертое фарфоровое блюдо, украшенное по краю переплетающимся золотым и лазурным орнаментом. На узоре серебрились едва различимые смутно-знакомые руны.

Я подцепил завязанный на запястье длинный черный волос, аккуратно надорвал и протянул тайнознатцу. Осторожно приняв его, тот убрал закрывающий свечу череп и, вспыхнув, волос закружился в воздухе невесомым пеплом, который медленно опустился на блюдо. Риккардо достал из лежавшего на полу мешка маленькое зеленое яблоко, прочертил острием ножа у него на боку несколько символов и катнул по блюду. Словно удерживаемое невидимой тетивой, яблоко начало все быстрее кружиться по краю посуды, серебряные руны налились ослепительным сиянием, а белый фарфор почернел. В центре блюда проявилось отдаленно напоминавшее силуэт человека размытое изображение, но тут руны померкли, а яблоко слетело с тарелки и скатилось со стола на пол.

– И что? – поторопил я пытавшегося отдышаться колдуна.

– Тот, кого ты ищешь, мертв. – Риккардо поднял яблоко с пола, надкусил и, скривившись, выкинул в темный угол.

Мертв? И это все? Вот уж не думаю, что за такой ответ стоило платить золотом.

– Да ну? – подался я вперед.

– Мертв или защищен мощными чарами, – пошел на попятную тайнознатец, покосившись на мои сжавшиеся кулаки.

– И даже примерно нельзя определить, где... он находится?

– Нет. – На этот раз отрицательный ответ прозвучал куда более твердо.

Сплюнув на пол, я поднялся со стула, вышел из шатра и успокоился, лишь выпив подряд две кружки пива. Отпустило. И чего расстроился? Золото жалко? Тень с ним, легко пришло, легко ушло. Да и глупо было надеяться решить все свои проблемы одним махом. Ладно, пора возвращаться на постоянный двор, а то без меня все съедят.

Обеденное время давно прошло, до ужина тоже оставалось ждать не так уж и мало, но в общей зале постоянного двора царил оживление. По-праздничному разряженные девушки лавировали между столами и разносили постояльцам снедь и выпивку. Распродавшие товар купцы и съехавшиеся с окрестных поселений на ярмарку за покупками почтенные отцы семейств не скупилась и звенели медью и серебром. Да и местные гуляки старались им ни в чем не уступить.

Разместившийся у камина менестрель отстраненно перебирал струны гитары, и по залу неторопливо текла медленная мелодия. Внимания на нее никто не обращал, время для музыки и танцев начнется ближе к закрытию ярмарки.

Вытерев со лба пот, я подивился стоявшей в обеденной зале жаре. А впрочем, ничего удивительного: тонкие занавески на распахнутых настежь окнах едва колебались под легкими дуновениями теплого ветра.

Нашу компанию разместили за длинным столом, втиснутым между дальней от входа стеной и ведущей на второй этаж лестницей. Скупиться Дубрава не стал и вольготно развалившимся на лавках дружинникам таскали блюда, выглядевшие и пахнувшие ничуть не менее аппетитно, чем заказы других гостей. Про пиво и вино я вообще молчу. По количеству кувшинов, бутылок и жбанов наш стол заметно опережал остальные.

А вот веселья особого не было. Нет, дружинники уже изрядно захмелели, но пока тихонько переговаривались между собой и даже на симпатичных разносчиц смотрели без особого интереса. Да и песня, которую только что закончили напевать заозерцы, очень уж походила на поминальную. Слов на их тягучем наречии разобрать не удалось, но звучащая в головах тоска говорила сама за себя.

Осмотревшись, я уселся на лавку между Шутником и Арчи, пододвинул поближе блюдо с вареными раками и вылил из кувшина себе в кружку остатки пива. Хлебнул отдававшего легкой горчинкой напиток и только тогда уже начал разделять покрасневший от варки панцирь.

– Бери чего посущественней, – смачно откусил от выломанной куриной ножки Шутник. – Куру вон или пирог.

Тушка целиком запеченной курицы была покрыта нежной корочкой, но особого аппетита у меня она не вызвала. Оглядев стол – запеченные в сыре булки соседствовали с мясной нарезкой, блюдом с прожаренной мелкой рыбешкой и пышущим жаром пирогом, а горка копченых колбасок возвышалась между ржаной булкой, чашкой с острым соусом и подносом с фаршированной шукой, – я решил все же ограничиться раками.

И под эту немудреную закуску кружка опустела как-то очень уж незаметно.

– Пиво? – потянулся я к вытянутому кувшину, стоявшему на столе рядом с Габриелем.

– Нужна мне эта ослиная моча. – Шутник резко наклонил кувшин и кружкой поймал хлынувшую из горлышка рубиновую струю. – Вино! Кровь земли...

– Там пиво есть? – повернулся я к Арчи, игнорируя не самые лестные замечания Шутника о северянах.

– Может, сидр? – осторожно накренив бочонок, наполнил себе кружку Янек.

– Лучше пиво.

– Держи. – Передав мне запотевший жбан, Арчи подцепил двузубой вилкой запеченную форель и переложил к себе на деревянную доску. – Уху будешь?

– Лучше выпью, – отказался я и заинтересовался стоящей перед здоровяком стеклянной бутылкой с коричневатой-золотистой жидкостью. – А это что?

– Бренди, – ответил Арчи, но налить не предложил.

Да я бы и отказался. Бренди хорош промозглым вечером, а не когда солнце жарит как сумасшедшее, пропотевшая рубаха липнет к спине, а воздух такой густой, что еще чуть-чуть и его можно будет черпать ложкой как сметану. И чего так припекает? Вроде осень скоро.

– Ты смотри, смотри, – толкнул Змейку под локоть загорелый до черноты Ежи Петелька и тот облился сидром. – Да вон туда, вон пошла!

– Какая цыпочка! – присвистнул парень и сделал попытку подняться со стола.

– Сиди, – хлопнул его по плечу спустившийся со второго этажа Семен Лебеда и осторожно поправил повязку, которой было замотано рассеченное ухо. – Не про тебя девица, купцова дочка.

Язва засмеялся и что-то зашептал на ухо уже прилично набравшемуся Власу.

– И чего? – Висельник потер шрам на шее, из-за которого, должно быть, и получил свое прозвище. Думаю, на самом деле след остался вовсе не от петли палача, но Ежи на эту тему предпочитал не распространяться.

– А того, что никаких драк. Анджей вернется, голову оторвет.

– Да какие драки? – сразу успокоился Висельник. – А где Дубрава, кстати?

– Насчет серебра пошел договариваться. – Семен потеснил Власа Чарку и уселся на скамью.

– Это хорошо, – обрадовался Влас, уже снявший с обожженного запястья бинты, и вынул из руки Шутника кувшин с вином. – Эр-торское? Дай-ка пригублю.

– А мамашка-то купцу рога наставила, – прищурился Петелька. – В девке эльфийская кровь сразу видна.

– Ты на мамку не греши, ослиной крови в этой крале и четвертушки не наберется. – Шутник забрал кувшин обратно и вновь наполнил свою кружку.

Я чуть пивом не подавился. Когда успел рассмотреть? Он же к ней спиной сидел.

– Ты почему знаешь? – засомневался в его словах Висельник.

– Браслетик на запястье видел? – Габриель выломал у курицы вторую лапу. – Печать сургучная на нем синяя, не красная.

Ежи вскочил, присмотрелся и медленно сел обратно на лавку:

– Глазастый...

– Я вот чего понять не могу: орки заезжие да гномы податями отделяются, а эльфам еще зачем-то церковные печати шлепают. – Янек покачал головой и наколол на нож ломоть мясной нарезки. – И вообще в Империю остроухих не шибко-то и пускают. Боятся, что слишком на людей похожи?

– А ты сам подумай. – Шутник выхлебал остатки вина прямо из горлышка и закатил кувшин под стол. – Ублюдков от орков или гномов мне еще видеть не доводилось, а вот эльфийских полукровок...

– Ерунда. – Висельник швырнул в Шутника рыбью кость, но тот увернулся. – Просто на гномиху или орку даже у тебя не встанет.

– Что верно в одну сторону, не всегда верно в другую, – как-то слишком туманно выразился Чарка.

– Чего? – не понял Ежи Петелька и, немного подумав, предположил: – Но, вообще, церковникам про превосходство человека легко рассуждать, а вот пройдет мимо такая красotka...

– Хватит языком трепать. На дыбу захотелось? – легонько хлопнул по столу Арчи. – И с чего вы взяли, что эльфов в Империю не пускают? Нет никаких запретов, милости просим! А лесным оркам, между прочим, только на ярмарку в Ла-Грос дорога открыта. Про степных и сами все знаете.

– Мне дед рассказывал, – я глотнул пива, – эльфы только в своих лесах вечную молодость сохраняют. А среди людей так же, как и мы, стареют. Будто бы им деревья силу дают.

– А наши леса как же? – удивился Янек.

– Да разве ж это леса? – хмыкнул я и налил еще пива. – У нас в княжествах и то нетронутые чащобы только на севере остались.

Незаметно на лице стемнело, и в зале зажгли светильники. Менестрель быстренько перекусил и заиграл что-то более веселое. За многими столами гуляки в такт мелодии затопали ногами по полу, и музыкант запел песню о вдове винодела и мельнике. Шутник тяжело вздохнул и завистливо покосился на компанию обозников, пустивших по кругу набитую дымным зельем трубку. Дюжие парни с уходом хозяина расслабились и теперь соревновались в выдувании колец дыма. Ишь, как Шутника скрутило-то. Это самое зелье привозили с самого юга Норлинга, продавали только в аптеках, и нечего было надеяться найти его в селе, пусть даже и большом. Интересно, Габриель-то где к нему пристрастился?

Служанки принесли новые жбаны с пивом и бочонок с яблочным сидром, унесли пустые блюда и протерли забрызганный вином, жиром и соусом стол. Непривычно мрачный Арчи почти допил бутылку бренди и теперь задумчиво вертел в пальцах оловянную кружку.

Что-то Дубрава припозднился. Не может в цене с купцами сойтись?

Долго уже молчавший Габриель неожиданно отставил кружку с вином и, покачиваясь, поднялся со скамьи. Прежде чем кто-либо успел его остановить, он оказался рядом с менестрелем и выхватил гитару. Народ в зале недовольно зашумел, музыкант вскочил на ноги, но Шутник ладонью отодвинул его в сторону и уверенно заиграл. Немного успокоившийся менестрель, не спуская глаз с гитары, присел обратно на табуретку, а Габриель, несколько раз сбившись, начал незнакомую мелодию, и подгулявшие посетители притихли.

– «Выпей и снова налей, коли в кувшине вино», – хрипловатый голос Шутника неожиданно легко перекрыл царивший в зале шум, – «Коли тебе все равно, сколько осталось монет...»

Обозники радостно загомонили и с шумом сдвинули кружки с пивом. Песня им явно пришлась по душе. Для дружины певческие способности Шутника тоже оказались неожиданными. Да, за это стоит выпить.

– «Если рядом друзья, а в камине огонь – выпей и снова налей.
И не думай о том, что на юге опять молнии бьют в обелиск,
Тот, под которым лежит последний норлингский принц»,

– увлекшийся пением Габриель не обратил внимания на моментально стихшие разговоры. А зря – не стоит некоторые имена на людях помянуть. Не в Империи.

– «Выпей и позабудь про тех, кто спастись не сумел,
Про тех, для кого обелиск – дверь в последний предел...»

Опомнившийся менестрель вырвал у Шутника гитару и тут же покатился кубарем, получив кулаком в скулу. На защиту певца бросился парень из компании обозников, но неожиданно резко заскочивший на лестницу толстяк пинком в грудь отшвырнул его назад. Приятели растянувшегося на полу бедолаги вскочили на ноги и бросились к нашему столу, но самый шустрый из них тут же упал на колени, заполучив в лоб разлетевшийся вдребезги кувшин. А потом обозникам стало уже не до нас: Ежи Петелька и Влас Чарка, не долго думая, приподняли и метнули в них тяжеленную скамью.

Не разобравшись в чем дело вышибала сдуру сунулся к обозленным обозникам, но его схватили сразу несколько человек и вышвырнули в окно, попутно перевернув соседний стол. Едва успевшие выскочить из-под массивной деревянной столешницы крестьяне кинулись на

обидчиков с кулаками, и только вовремя заскочивший в зал дородный старшина охранников не дал разгореться потасовке.

Мы сами тоже в драку не полезли – с улицы в корчму вбежал взбешенный Дубрава. Лебеда сразу же поспешил утащить упиравшегося Шутника в комнату на втором этаже, все остальные вновь уселись за стол.

– Угомонитесь! – рявкнул на разгоряченных парней старшина и, подойдя к нашему углу, моментально определил в Анджее главного. – Пойдем, потолкуем.

– Пошли. – Показавший дружинникам кулак Дубрава был мрачнее тучи.

Хорошо, хоть никого лавкой не зашибло, может, любовно договориться получится. Дубрава и старшина обозников отошли к кухне, где к ним немедленно присоединился визгливо перечислявший причиненный заведению ущерб хозяин постоялого двора.

– В общем, так, – вернулся вскоре к столу Анджей, вздохнул и медленно смерил нас тяжелым взглядом. – Будет поединок. Кто проиграет, с того деньги менестрелю и хозяину. Арчи – ты судья. Пошли, правила оговорим.

– Не понял, что за поединок? – повернулся я к Змейке.

– Кто жребий вытянет, тот и будет драться. Традиция такая кабацкая, – флегматично ответил тот и хрустнул суставами пальцев. – Упадешь, али за круг вылетишь – проиграл.

– Какой круг? – не понял я.

– Вон, чертят уже, – ткнул меня в бок почесавший шрам на шее Ежи Петелька.

И правда, Арчи и не уступающий ему сложением обозник что-то тщательно вымеряли свернутой в несколько раз веревкой и обугленной деревяшкой прямо в центре зала чертили по доскам пола круг.

А ведь и мне от жребия не отвертеться. Все-таки за одним столом с дружинниками сидел, пиво с ними пил. Не поймут. А с моей удачей выгадать короткую соломинку – как на собственную тень помочиться.

Испуганный дракой люд потихоньку возвращался в зал и, думаю, хозяин в накладе за сегодняшней вечер не останется. А уж если еще и ставки принимать будет...

– Кулачный бой? – решил все же уточнить я.

– Само собой, – кивнул Ежи Петелька.

– А почему Арчи в судьи определили? – нахмурился я. – Да и у тех судья тоже самый здоровый.

– Если что не так пойдет – тогда судьи схватятся. – С беспечной улыбкой Висельник первым протиснулся к вернувшемуся в сопровождении представителя обозников Арчи и потянул у него из кулака соломинку. Длинная.

Я тоже отсидиваться не стал и пошел вслед за ним. Тянувшие жребий до меня Янек Змейка и Семен Лебеда, улыбаясь – первый облегченно, второй кисло, – отошли в сторону. Что ж моя очередь. Когда выбранная мной соломинка легко выскользнула из крепко сжатого кулака Арчи, я ни сколько не удивился. Везет мне в последнее время, смотрю, как утопленнику. Короткая.

Арчи скомкано улыбнулся и быстренько протараторил правила. Оба правила. Те самые, насчет которых меня уже просветил Янек – все остальное оставалось на усмотрение бойцов. Убедившись, что ничего больше объяснять не требуется, Арчи направился наблюдать за начавшими тянуть жребий обозниками.

Как обычно перед дракой, накатило легкое волнение. Дыхание участилось, ноги подрагивали. Ничего, сейчас пройдет. Вот только пьяный я, тень этих обозников заберу. Слишком пьяный. Знал бы, что так выйдет, хоть бы пивом не увлеклся...

Пропустив большую часть советов обступивших меня дружинников мимо ушей, я снял камзол, кинул его на лавку и вошел в круг, где уже топтался выставленный обозниками боец – судья по заплетенным в две косицы черным волосам и смуглой коже, уроженец Медвежьего

склона. Горец был чуть пониже меня, но гораздо более плотного сложения. Не могу сказать, что толстый, нет – жилистый. На лбу у него поблескивали капельки пота, но это скорее не от волнения, а от духоты. Костяшки сбиты, нос немного приплюснут. Послали же тени кулачного бойца! Сам я все больше на ножах горазд...

– Рем! Рем! – начали скандировать обозники.

– Давай, Кейн, вмажь ему! – перекрывая их голоса, весело заорал Янек, и к нему тут же присоединились другие дружинники. – Не подведи! Бей!

Подводить я никого не собирался, но от первого же нацеленного мне в челюсть удара увернулся с большим трудом – парнишка не стал тянуть время и сразу же перешел в наступление. Лишь на мгновение опережая соперника, я уклонялся и пытался не заступить за прочерченный по полу круг. В зале раздались смешки.

Отбив летевший в висок кулак, мне удалось пнуть Рема в колено. В предплечье словно ударила свинцовая чушка, рука моментально занемела. Даже не заметив пинка, парень прыгнул вперед и ребром кисти рубанул воздух, едва не угодив мне по горлу. Я ушел вбок и моментально получил левой в скулу. В глазах засверкали звезды.

Твою тень! Ну, ты у меня сейчас дождешься!

Сплюнув кровь, я решил схитрить, но руку с растопыренными пальцами, нацеленную ему в глаза, Рем легко отвел в сторону и открытой ладонью толкнул меня в грудь.

Несильный вроде бы удар выбил из легких воздух и заставил вспомнить об осторожности. Слишком уж этот пацан быстр. Слишком. И потеет чересчур сильно. Неужели каким зельем перед схваткой накачался? Затягивать драку не хотелось, но иного выхода не оставалось и пришлось уйти в глухую оборону, в надежде подловить противника на какой-нибудь ошибке.

Вот тут и началась настоящая игра в кошки-мышки. Рем пытался меня достать, я уклонялся и искал малейшие возможности для контратаки. Но чем дольше продолжалась схватка, тем тревожней становилось у меня на душе. Желай горец выиграть чисто, просто бы вытолкнул меня за круг. Но почему-то ни одной имевшейся возможностью не воспользовался, зато всячески пытался попасть в горло, висок, глаза и переносицу.

Уж не намеревается ли он меня покалечить или вовсе отправить во тьму? Очень на то похоже – до сих пор серьезных увечий удавалось избегать только за счет ускорившейся от волнения реакции. Пока движения Рема запаздывали на какие-то доли мгновений, но вот только долго так продолжаться не могло. Рано или поздно я ошибусь, и тогда мне придется худо. Хорошо, если жив останусь.

Как же быть? Остановить бой, просто выскочив за прочерченный по полу круг? Только лишь из-за беспочвенных подозрений? Боюсь, тогда у меня появятся другие, куда более серьезные проблемы. Нет, мы еще побарахтаемся.

Стараясь, чтобы со стороны никто ничего не заметил, я попытался воспользоваться несколькими безусловно запрещенными приемами. Рем легко раскусил мои ловушки, и в глазах у него заплясали огоньки злого веселья. Вскоре бой полностью вошел в навязанную им канву, и стало понятно, что вот-вот и он меня достанет. Подловит и достанет. И будет выглядеть это последствием нанесенного в пылу драки неосторожного удара. Проломленный висок, раздавленные хрящи горла, выдавленный глаз...

И что делать? Рисковать и рвать жилы незнамо ради чего? Или выйти из боя с наименьшими потерями?

Времени на раздумья не оставалось и, качнувшись вбок, я неожиданно прыгнул вперед в безнадежной попытке дотянуться до Рема. Обозник среагировать не успел, и его кулак врезался мне точно в солнечное сплетение. Даже не попытавшись устоять на ногах, я отлетел назад и, покотившись по полу, вылетел за пределы круга. Перед глазами мелькнуло донельзя удивленное лицо Арчи, а потом моя голова врезалась во что-то твердое... Звезды и темнота...

Очнулся я уже в комнате с приложенной к затылку мокрой тряпкой. Помимо терзавшей голову тупой боли ныли руки и рассеченная бровь. Принохавшись, прикоснулся к лицу и поднес пальцы к носу. Надо же, мазью какой-то намазали. Позаботились...

Неяркий огонек ночника заливал помещение тусклым желтоватым светом. На соседней кровати храпел Шутник. Больше в комнате никого не было. Внизу пируют? Не колеблясь, я перевернулся на другой бок, натянул свалившееся на пол одеяло и постарался уснуть.

Вниз спускаться не буду. Завтра все новости узнаю. И с Ремом тоже завтра потолкую. А сейчас горячку пороть незачем. Да и голова раскалывается. И пусть только кто-нибудь вякнет, что я не пытался победить.

Еще как пытался. Вот если б на ножах...

Геладжио. День первый

Выстроившаяся к восточным воротам Геладжио вереница телег двигалась медленно. Нет, даже не так – она двигалась чертовски медленно. Мы уже битый час глотали вылетающую из-под колес обгонявших нас обозов Торговой гильдии и копыт дворянских коней дорожную пыль, а замощенный булыжниками пятак перед городскими стенами так и продолжал маячить в отдалении.

И чего они там волюнку тянут? Понятно, что стражники на воротах в надежде прицепиться к чему-нибудь и выжать из путника мзду перетряхивают багаж сверху донизу. Но все же – что-то слишком уж долго мы здесь торчим.

Я украдкой потер припухшую шишку на лбу, вздохнул и огляделся. Стоять нам здесь еще час – и это в лучшем случае. А в худшем... Ну, вообще, к полудню даже при самом паскудном раскладе в порту должны быть. Если еще на воротах ни к чему не прискребуться.

С моря подул холодный ветер, и я поежился. Тоска зеленая. И настроение дрянь. Самое досадное, с этим резким обозником Ремом по душам потолковать так и не получилось. Точнее, конечно, не по душам потолковать, а душу из выродка вытрясти. Вот уж не повезло, так не повезло: с постоянного двора обоз с самого ранья уехал. Я все надеялся, что по дороге дружина их нагонит, да не срослось. Хотя они точно в порт направлялись – хозяин постоянного двора скрытничать не стал. Что ж, видно не судьба.

Ладно еще дружинники мне в упрек проигрыш в поединке не ставят. Все же люди бывалые и мастерство Рема по достоинству оценили. Ну а ворчание Язвы не в счет, этот недоносек всегда чем-то недоволен.

Городские стены приближались медленно. Как я уже говорил – чертовски медленно. Но все же приближались. Уже стали различимы черные щели бойниц, длинные тени падали от выступающих фортов, а лучи восходящего солнца явственно высвечивали отличающиеся по цвету пятна свежей кладки недавно обновленных стен.

На стенах, несмотря на уже взошедшее солнце, поблескивали шлемы и наконечники копий городской стражи. Все верно: больно у прибрежных городов соседи беспокойные. Того и гляди, или пираты, или островитяне нагрянут. Вон и хибары выросшего вокруг дороги на Геладжио поселка нигде к городской стене ближе, чем на три полета стрелы, не приближаются, а на перепаханном и обильно политом соленой морской водой пустыре, начинавшемся сразу за рвом, не растут даже сорняки. Да, это уже спокойные земли Приозерья! Но, с другой стороны, и до лихого Заозерья им далеко.

Зябко ежившийся под порывами промозглого ветра Шутник натянул на уши неведомо где раздобытую войлочную шапчонку и повернулся ко мне:

– Мерзкая погодка.

– И не говори. – Я запнулся о торчащий из дороги камень и зашипел от боли. Мне-то к холоду и сырости не привыкать, а южанам совсем паскудно должно быть. – И не говори.

– А сапог-то твой того, каши просит, – не особо весело усмехнулся Габриель, перехватив мой взгляд на полуоторванную подошву.

– Если б каши, – вздохнул я. Надо сегодня же обувью заняться, а то скоро босиком ходить придется. – Слушай, Шутник, вот говорят: Геладжио самый крупный порт на Западном побережье, а посмотри кругом – халупы почище, чем у нас в Альме на южной окраине.

– Это же Горелый. – Увидев ясно проявившееся на моем лице непонимание, Шутник прокашлялся и соизволил объяснить: – Этот поселок при каждой осаде дотла сжигают. Сами же горожане и сжигают.

– Зачем? – не понял я.

– А ты подумай! До ближайшего леса – хорошо, если не день пути, не корабли же на осадные лестницы и щиты разбирать?

– И что, каждый раз отстраиваются? – Я отмахнулся от бежавшего по обочине водоноса – чумазого пацана лет тринадцати – и огляделся по сторонам.

– А куда деваться? Отстраиваются. Не одни, так другие. Свято место пусто не бывает. – Габриель вытер нос, на конце которого уже довольно давно покачивалась капля и, высморкавшись в пальцы, стряхнул соплю на дорогу. – Как бы до дождя в город попасть.

– Какой дождь? – Я посмотрел на небо. Не сказать, что там ни облачка, но насчет дождя Шутник явно загул.

– Поверь моему опыту, Кейн, – подмигнул мне Габриель. – У меня на такие дела нюх. Я как-то раз к оркам в плен попал, так вот их шаман мне и говорит: «Хочешь жить...

Вполуха слушая очередную байку Шутника, я медленно переставлял ноги в едином ритме вяло бредущей к воротам колонны. Сам не заметил, как получилось, но после дебоша на постоялом дворе мы с Габриелем... не то чтобы сдружились, так, сошлись. А куда деваться? Все же не так тошно, когда поговорить есть с кем. Заозерцы, те больше друг друга держатся.

Настроение, надо сказать, у всех было несколько пришибленное. А как иначе? Денег из общака оставить в трактире пришлось изрядно. Теперь одна надежда – выгодно трофей из Храма Серебряной Луны пристроить. А это оказалось вовсе не просто, по крайней мере, купцы на ярмарке с серебряным шаром, от которого так и несет непонятной волшбой, связываться побоялись. Надеюсь, в Геладжио нам улыбнется удача, и местные скупщики окажутся менее пугливыми. Очень на это надеюсь, тень их заberi! Дальше мне с дружиной будет не по пути, а отправляться в дорогу без медного щита за душой не очень весело.

Задумавшись, я конечно же пропустил байку Шутника мимо ушей, но тот уже начал новую, к которой стали прислушиваться не только шедшие неподалеку Семен Лебеда, Влас Чарка и Арчи, но и вовсе случайные попутчики. Плюнув на дурные предчувствия, я выкинул из головы мрачные мысли и начал похохатывать вместе со всеми. Нет, все же Шутник прирожденный рассказчик. Ему б, вместо того, чтобы кистенем махать, с циркачами гастролировать и байки травить – озолотился бы.

И погоду он действительно, будь здоров, чует: когда мы, наконец, добрались до ворот, начал накрапывать мелкий противный дождичек.

– А ну, куда прете! Заворачивайте! Заворачивайте! Кому сказано? – размахивая руками, заорал на нас старший стражник – пожилой ветеран лет сорока с располованной ножевыми шрамами щекой. – Куда с оружием прете?!

– А в чем дело, любезный? – вальяжно поинтересовался Дубрава, доставая из украшенного серебряным шитьем футляра для бумаг мелко исписанные листы с синими церковными печатями и красными «орлами» совета дружин. – Все бумаги оформлены.

– Не положено! – даже не взглянув на патенты, уперся ветеран. – В сторону! В сторону отходите!

Молодые стражники за его спиной в ожидании скандала поудобней перехватили короткие копья, из окна сторожевой будки выглянул писец.

– С какой стати? – не сдвинулся с места Дубрава и расправил и без того неузкие плечи. Позади нас недовольно заворчали, но стоило Язве обернуться, как бормотанье моментально стихло. – Вот эти церковные патенты...

– Господин... – словно почувствовав, что отступать мы не собираемся, из сторожевой будки выскочил худющий писец с перепачканными чернилами пальцами.

– Анджей Арк¹² — Дубрава, эсквайр, – шагнул к нему навстречу наш предводитель. – Почему нас не пропускают?

¹² Арк – официальная приставка к родовым именам нетитулованного дворянства в Империи.

– Господин Арк-Дубрава, магистрат Геладжио временно приостановил действие церковных патентов на ношение оружия в пределах городских стен. – Субтильный писец, наряженный в какую-то серую невыразительную хламиду, ничуть не стусевался, когда к нему вплотную придвинулся куда как более физически развитый Дубрава. – Но, разумеется, вам и двум вашим оруженосцам никто не воспрепятствует оставить оружие при себе.

– Отменили? Какого ляда? – нахмурился вставший рядом с Дубравой Арчи. – А церковные эдикты ваш магистрат отменять еще не начал?

Старший охранник смерил здоровяка возмущенным взглядом, но сдержался – одно дело простым бродягам нахамить, другое дело челяди благородного господина, пусть даже и всего лишь эсквайра.

– У вольных городов есть такое право, – напомнил нам писец.

– И во сколько нам обойдется ваше разрешение на ношение оружия? – поинтересовался, выделив слово «ваше», Арчи, который пришел к выводу, что речь идет о всего-навсего новом поборе.

– Что вы, что вы, никаких исключений, – замотал головой писец. – Мы таких патентов не выдаем.

– Моряки народ горячий, чуть что – сразу за сабли хватались, ну и приезжие им подстать, – поддакнул ветеран, проигнорировав весело фыркнувшего Висельника. – Горожане жаловались...

– Вы хотите сказать, мы вообще не сможем попасть в Геладжио? – обмозговав полученную информацию, пришел к выводу, что лезть напролом не стоит, Анджей.

– Оружие с клинками более двух ладоней длиной подлежит сдаче в хранилища, – объяснил писец. – Сбор за охрану – медный шлем с каждого клинка за седмицу хранения.

– Обдираловка! – возмутился Язва. – Ты, чернильная душа...

– Помолчи, – шикнул на него Дубрава. – Медяки готовьте. Лебеда, Чарка, оружие оставляйте.

– А нам бы поклажу еще досмотреть, – заикнулся было старший стражник, но поймал столь красноречивый взгляд Дубравы, что сразу стусевался и даже подался назад. Стражник-то он стражник, но с благородным связываться себе дороже. Тем более, никаким барышом здесь и не пахнет: только слепой не увидит, что наша дружина за последнее время, мягко говоря, поиздержалась.

Твою тень! Медяки готовьте! А они есть, эти медяки? Мне ж за два меча платить придется. Ладно, пару шлемов я наскребу, но если с продажей серебряного шара заминка выйдет – останусь на мели.

– Сколько мы в городе пробудем? – спросил у Дубравы Арчи, явно задетый тем, что оставить оружие приказали не ему. И чего гоношится? Ясно ведь – сабли в городе более эффективны, чем длиннющий фламберг. Да и молот никто сдать не потребует.

– Платите за седмицу. – Дубрава ухватил писца за рукав хламиды и потянул в сторону. – А скажите, любезный, таверну «Морской змей» еще не спалили?

С таверной «Морской змей» за прошедшее с последнего визита Дубравы в Геладжио время ничего непоправимого не произошло. И не могу сказать, что меня это сильно обрадовало: предоставленные нам комнатки в мансарде были тесными, темными и весьма обветшалыми. После прошедшего дождичка с потолка капала вода, а воздух был сырым и, мягко говоря, прохладным. Думаю, город немного бы потерял, реши кто спалить это злачное место – уж больно бандитские рожи были у завсегдатаев. Так и вертится на языке слово «пираты». Только бороздят эти пираты не волны Олькского моря, а подворотни и темные улочки Геладжио.

Неужели нельзя было найти более приличное заведение? Или обшак дружины находится в столь плачевном состоянии, что такие расходы уже не потянет?

– Клоповник, – пробурчал я, возвращая толстую иглу и катушку просмоленных ниток Шутнику, который развалился на соседней кровати. Сапог с горем пополам удалось привести в порядок, но долго подошва не продержится.

– Видали и хуже. – Габриель стянул лохмы кожаным зажимом и посмотрел на потолок. – Ты даже не представляешь, насколько хуже.

– Да я разве спорю? – вздохнул я, подставил ладонь под мерно капающие с потолка капли воды и с тоской огляделся по сторонам.

И хуже, конечно, бывало, куда без этого. Спать в чистом поле тоже не сахар, но там хоть клопов нет. А «Морской змей» самый натуральный клоповник.

Дощатые стены не оштукатурены и даже толком не зашпаклеваны – ветер по комнате так и гуляет. На грязном полу подозрительного вида пятна, меж разохшихся досок ставен щели в палец толщиной. Одна радость – белье свежее постелили, да подушки сухой соломой набиты.

А Шутнику хоть бы хны, вообще все как с гуся вода. А чего ему, с другой стороны, расстраиваться? Даже цеп в хранилище сдавать не пришлось – отбрыхался. Только за кинжал раскошелится. А я три медных шлема выложил, почти последних, между прочим. Теперь о новых сапогах можно и не мечтать.

– Как думаешь, сдаст сегодня серебро Дубрава? – задумался я.

– Сегодня? Сомнительно это. Но тут уж как Ильга-торговец решит.

– Ты бы это, поаккуратней с еретическими святыми, – невольно поежился я. – Не поминай, как говорится, все.

– Да ладно, ты ж на меня не донесешь, – хохотнул Шутник.

– Вот именно – не донесу. Поэтому и осторожней: как-то нет желания потом рядом с тобой на соседней дыбе болтаться.

– Прямо уж на дыбе!

– А в церковном подвале жизнь тоже не сахар. – Я развалился на заскрипевшей кровати. – Так думаешь, сегодня шар продать не получится?

– Не-а. – Габриель натянул сапоги и подошел к окну. – Нам бы за седмицу покупателя найти. И то это вилами по воде писано.

– А за каким лядом мы тогда в Геладжио приперлись? – неприятно удивился я столь безрадостной перспективе. Нет, мне сюда в любом случае пришлось бы тащиться, но другим-то мало радости здесь целую седмицу куковать.

– Ну, сам посуди... – Шутник отвернулся от окна и присел на перекошенный подоконник. – Что на серебре следы темной волшбы остались, слышал? И плавь ты его, распиливай – не избавишься от них, хоть тресни. А попробуй продать – любой законопослушный торговец первым делом в Инквизицию донесет. Что дальше будет, догадываешься?

– Плакали наши денежки. – Я поправил подушку под головой.

– Ладно бы денежки, Кейн. Тут и без головы остаться можно. Это если на кол не посадят.

– Добрый ты, Шутник.

– Да уж, не злой. – Габриель соскочил с подоконника, заложил руки за спину и, скрипя половицами, прошелся по комнате. – Скупщики краденого тоже не вариант – тут и нужных людей знать надо, и хорошо, если треть цены дадут.

– Выходит, приплыли?

– Почему – приплыли? У вас в Северных княжествах серебро в цене.

– Так серебро и золото туда только Церковь вывозить может, – уселся я на кровати. – Да и при чем здесь Геладжио?

– А Геладжио здесь при том, что корабли отсюда в Альме заходят. И покажи мне капитана, который контрабандой не балуется. Остается только на нужных людей выйти. Они, конечно, свою выгоду поимеют, но и мы в накладе не останемся.

– Может быть, может быть, – задумался я. – А почему бы нам самим в княжества не отправиться? В тот же Тир-Ле-Конт? Я там несколько не самых щепетильных торговцев знаю. Провезли бы уж как-нибудь через границу – всяко выгодней серебряный шар пристроили.

– Не, тогда в Заозерье к началу похода на орков обернуться не успеем. Да и не стоит овчинка выделки, по большому счету.

– Дался Дубраве этот поход, – фыркнул я.

– Кто там горланит? – присушиваясь к доносящимся из коридора голосам, наклонил голову набок Габриель. – Семен?

– По голосу, Арчи, – предположил я, протирая промасленной тряпицей метательные ножи. Мне б клинками по-серьезному заняться, но времени нет: Дубрава общий сбор в четыре пополудни назначил, а еще по городу пробежаться надо.

– Арчи? Он же по делам в город умотал? С чего бы так скоро вернулся?

– Да он это, я тебе говорю.

– Он так он, – не стал спорить Шутник. Достав из дорожной сумы еще с постоялого двора припрятанную бутылку с вином, он вытащил пробку и отхлебнул из горла. – Будешь?

– Не-е, – отказался я и поднялся с кровати.

– Как знаешь, – не стал настаивать Габриель. – Ну что, по бабам? Я тут одно заведение поблизости знаю – «Распутная русалка», там такие девахи...

– Если только вечером. Мне сначала кое-кого навестить надо. – Я толкнул заскрипевшую дверь и выглянул в коридор.

– Смотри, я в «Русалке» буду! Если что, как в Селедочный переулок пройти, тебе кто угодно объяснит. – Шутник отложил кистень на рассохшийся стул и, развязав кошель, высыпал монеты на застеленную одеялом кровать.

– Угу, – выходя, промычал я, уверенный, впрочем, что так скоро не освобожусь. И пусть мне всего одного человека найти надо, но город незнакомый, да и вряд ли тот дома сидит, меня дожидается.

Я уже подошел к лестнице, когда мое внимание привлекли громкие голоса, доносившиеся из-за двери в самом конце коридора. До крика дело не дошло и слов разобрать не удалось, но разговор шел на весьма и весьма повышенных тонах. Никак Арчи с кем-то ругается? Точно, он. Странно, в эту комнату, вроде бы, Анджей Дубрава въехал.

На улице было по-прежнему мерзко: дождь уже стих, но в воздухе висела противная морось. По узеньким улочкам текли стремительные ручьи, бурлящие потоки которых несли дохлых крыс, конский помет, солому, щепки и совсем уж непонятный мусор. Вскоре все это окажется в одном из каналов, чтобы немного позже навсегда исчезнуть в море.

На улице было немногочисленно: жители города старались пережить последствия непогоды дома, но в переулок к «Морскому змею» то и дело заворачивали насквозь промокшие подозрительные личности.

Пропустив ватагу подвыпивших матросов, я вздохнул, поднял воротник и осторожно сошел с крыльца. Впрочем, осторожность оказалась тщетной – дырявые сапоги сразу же хлебнули воды и размокшей дряни, толстый слой которой покрывал подгнившие доски мостовой.

Стараясь держаться поближе к стенам домов, крыши которых почти смыкались над улицами, я вышел из переулочка и начал пробираться против течения стремительно мчавшегося мне навстречу потока. Насквозь промокшие ноги моментально заоченели, а пальцы потеряли чувствительность, но, к счастью, вскоре уровень воды снизился, и бурлящим ручьям стало хватать ливневых стоков. Или это мостовая стала выше?

Скорее, конечно, второе – все это время я поднимался в горку. Вот и улочки уже пошире стали и домики поаккуратней, да и под ногами не осклизлые доски, а грубо обработанные булыжники. Все правильно – это у порта, в самой низине, городская беднота селится, да всякое отребье в злчных местах ошивается. Те, кому достаток позволяет, комнаты, а то и дома, в более престижных районах подальше от порта присматривают.

С соседней улицы вывернули три стражника в одинаковых синих камзолах с зелеными обшлагами. Широкие поля шляп от дождя обвисли, промокшая до последней нитки одежда липла к телу. Сразу видно, что не в кабаке во время дождя отсиживались, а улицы патрулировали. Странно. Неужели спрятаться не успели?

Воспользовавшись подвернувшимся случаем – последнее время навстречу никто не попадался, – я поинтересовался у них, как пройти на улицу Кожевников. Плотного сложения усатый стражник лет сорока с явственно выпирающим животиком внимательно меня оглядел и что-то неразборчиво пробурчал насчет третьего поворота налево.

Дорогу мне пришлось спрашивать еще четыре раза. Запутанные улочки начали действовать на нервы и, не выдержав, я согласился на предложение остановленного мной курьера за медный щит провести к нужному дому. По пути постоянно поправлявший съезжающую на лицо шапочку парнишка пересказал мне все городские сплетни, так что расстались мы вполне довольные друг другом. Он с честно заработанным медяком, я с кое-какой информацией для размышления.

Остановившись неподалеку от нужного дома, я огляделся по сторонам, по привычке проверил ножи и перебежал на другую сторону улицы. На первый взгляд, все спокойно. Разве что людей не видать, но это нормально: кто от непогоды по домам и кабакам попрятался, кто в поте лица на хлеб насущный зарабатывает. Только стража да нищие под дождем мокнут. Но попрошаек отсюда, пожалуй что, с палками погонят, а стражники на одном месте торчать не могут, им закрепленный участок обходить надобно.

Хм... Район-то этот, хоть и не самый престижный, но улица смотрится весьма даже ничего себе. И пусть застроена не особняками, но двух – и трехэтажные дома, некоторые даже с огороженными высокими заборами двориками, производили самое благоприятное впечатление. Видно, что с определенным достатком люди живут. Мастеровые, средней руки торгошники, может, даже портовые служащие и занимавшие не самые высокие должности в городском магистрате чиновники.

Нужный мне человек ни мастеровым, ни служащим не был. И хоть состоял он в весьма уважаемой в Геладжио Гильдии корабелов, не думаю, что на его ладонях отыщется хоть одна мозоль от рубанка или топора. Соседи считали Гаспара Мерини, в определенных кругах известного как Плотник, мелким торгошником-перекупщиком, частенько прогуливающимся по самой кромке закона, но никто из них даже предположить не мог, что этот всегда спокойный и уравновешенный человек последние пару десятков лет являлся не последним деятелем преступного сообщества города.

Последний раз окинув взглядом пустынную улицу, я зашел в распахнутые ворота двора и остановился перед скопившейся в подворотне лужей. Вот ведь! Тут и утонуть можно запросто.

– Чего тебе? – сидевший во дворе под навесом здоровяк, и сложением, и одеждой напоминавший ученика молотобойца, положил на лавку мешочек, в котором шуршали мелкие – всего в фалангу указательного пальца длиной – жареные рыбешки, и уставился на меня.

– Мне бы мастера Гаспара, который Плотник. – Внимательно приглядевшись к молодому парню, я заметил выглядывавшую из-под края широкой рубахи наколку, несколько неуместную для законопослушного молотобойца, и смахнул с волос осевшую морось. И так уж вышло – мой безымянный палец при этом оказался согнут.

– Мастера Гаспара сегодня уже не будет, – прищурился здоровяк, от которого не укрылся мой жест. – Подходи завтра до полудня.

– Договорились, – кивнул я и, не торопясь, пошел к Подгорной улице, той самой, где мне повстречались городские стражники.

Что ж, с наскоку найти нужного человека не удалось. Это не беда. Главное – он никуда не уехал, не попал в тюрьму, просто не простудился и не умер, в конце концов. А что? С моим везением запросто. Но ждать до завтра – это терять целый день. А я и так упустил слишком много времени.

Помянув недобрым словом тень шляющегося невесть где Гаспара, я тяжело вздохнул, но все же решил, что без визита на городское дно обойтись никак не получится. И откладывать это дело в долгий ящик тоже нельзя – вечером бесследно исчезнуть в темных закоулках припортовых районов Геладжио шанс куда как выше. Об этом меня предупреждали знающие люди, а к их словам имело смысл прислушаться. Да и собственный опыт о том же говорит.

На этот раз служивые на улице не околачивались, а спешившие по своим делам горожане оказались на редкость неразговорчивыми. Так что минут через пятнадцать бесплодных усилий выяснить дорогу до площади Ворон, мне ничего не оставалось, как окликнуть возницу, правившего медленно объезжавшей залитые водой выбоины телегой.

– Эх, ваша милость, никак приезжий? – вздохнул седоусый дедок, огляделся по сторонам и, понизив голос, продолжил: – Воронья та площадь, Воронья, а площадью Ворон ее токмо душегубы промеж собой и зовут. Ну, так, стал быть, сейчас по Корабельной до казармы городской стражи дойдешь, там развилка на бульвар Гравюр будет, но тебе не туда, а дальше до самой Чумной...

Я стоял, кивал и, в конце концов, даже уверился, что смогу найти нужную площадь, но самостоятельно добраться получилось только до казармы городской стражи – запутанные улочки города сбивали с толку и заставляли кружиться на одном и том же месте. Дежуривший у ворот казармы стражник скептически оглядел мой помятый камзол, но цепляться не стал и, криво усмехнувшись, все же показал, в какую сторону следует идти. Как ни странно, именно там площадь Ворон и оказалась. Правда, от казармы до нее пришлось топтать и топтать.

Остановившись на краю площади, я огляделся и сам себя поздравил с принятым решением не откладывать до вечера свой визит сюда. Даже район «Морского змея» смотрелся куда приличней, чем скопище хлипких трехэтажных хибар, которые окружили площадь Ворон так тесно, как жмутся к костру в холодную ночь озябшие путники. Да и сама площадь оказалась всего-навсего свободным от застройки пятачком, посреди которого стоял постамент солнечных часов с выломанным стержнем.

Я оглядел дома, потом, запрокинув голову, посмотрел на едва проглядывающее сквозь пелену облаков тусклое пятно солнца и хмыкнул. По всему выходило, что солнечные часы почти весь день находятся в тени. Интересно, это сразу так было или дома потом понастроили?

Как ни странно, в окрестностях площади было куда многолюдней, чем в более благополучных районах Геладжио: с криками и пронзительными воплями бегали клянчившие милостыню босые дети, рылись в наваленной куче мусора бродяги, нетвердой походкой прошаркал одетый в засаленные обноски пьяница, два явно поиздержавшихся морячка пытались снять уличную шлюху. И никто никуда не спешил. Даже распродававшая подозрительного вида пирожки торговка меланхолично провожала взглядами проходящих мимо людей и не пыталась привлечь внимание к своему залежалому товару.

Почувствовав чей-то взгляд, я положил ладонь на рукоять ножа, но прислонившийся к стене дома оборванец, от которого так и несло едким ароматом дурман-травы, решил не испытывать судьбу и отвернулся.

А вот тебя-то мне, пожалуй, и надо. А то так еще полдня вокруг площади кружить придется.

Едва не провалившись, наступив на прогнившую доску мостовой, я подошел к старательно отворачивавшемуся парнишке и кашлянул.

– Чего тебе, баклан? А? – Оборванец ссутулился и отступил на шаг назад. – Чего надо, говорю?

– Родня твоя бакланы, – я провел под глазом костяшкой большого пальца, – а я вольный человек, по городам хожу с людьми знакомства завожу.

– Ну и иди дальше. – Парнишка совсем разнервничался и сунул руки под рваную и неоднократно заштопанную куртку.

– Обязательно пойду. Только сначала с Лордом поговорю.

– Лорд? Не знаю никакого лорда. Может, тебе еще и герцог нужен?

– Нет, только Лорд.

– Не знаю такого. Понял, да?

– Да ну?

– Не нукай! Сказал: не знаю! – чуть ли не завизжал оборванец.

– А я думаю, знаешь, – не особо резко, но так, что парень не успел отдернуться, я ухватил его за кадык и слегка сдавил. Из ладони оборванца выскользнула заточка и утонула в чавкнувшей грязи. – Проводи меня.

Парнишка попытался снова выдавить из себя, что ничего не знает, но лишь невнятно засипел. Широко распахнув глаза, оборванец ждал, когда ослабнет хватка, и по мере осознания того, что этого не произойдет, его глаза открывались все шире и шире. Вцепившись руками в мое запястье, он попытался освободиться, но, получив левой в скулу, обмяк и начал оседать на колени.

– Неприятности? – остановились рядом морячки, которые так и не смогли договориться со шлюхой.

– Земелю встретил, век не виделся, – специально растягивая слова, чтобы стал не так заметен мой северный акцент, ответил я и приобнял готового упасть в грязь парнишку.

– А, тогда ладно. – Удовлетворившись ответом, моряки отправились дальше.

– У тебя есть выбор, – я немного усилил хватку, и оборванец тихонько захрипел. – Или ты прямо сейчас отведешь меня к Лорду, или отведешь после того, как я тебе что-нибудь отрежу.

– Отведу, отведу, только отпусти, – захрипел сразу поверивший в угрозу парень.

– Вот и ладно. – Одной рукой я перехватил его под локоть, второй дружески похлопал по спине и широко улыбнулся: – Дернешься – изувечу.

Оборванец побледнел и на подгибающихся ногах потащился по улице. Выйдя с площади, мы свернули в какой-то проулок, миновали заваленную мусором помойку – несколько грызущихся из-за кости собак, поджав хвосты, бросились наутек – и остановились перед спуском в городскую канализацию. В обложенном тесаными камнями темном провале журчала вода, и как я туда ни глядывался, так и не смог различить никакого намека на лестницу.

– Туда, – покосился на меня парень и добавил: – Там выемки.

– Спускайся первым, – распорядился я.

Оборванец постарался скрыть кривую ухмылку, но, увидев вытащенный мной метательный нож, сразу поскучнел.

– И не думай, – на всякий случай предупредил его я.

Со спуском никаких сложностей не возникло: выемки в камнях сами ложились под руки и ноги, – а вот внизу захлестнувший чуть выше колена поток сточных вод едва не сбил с ног. Еще и темно, как у теней за пазухой.

Путь по длинным туннелям городской канализации в памяти отложился плохо. Попытка запоминать очередность поворотов оказалась тщетной – все внимание уходило на то, чтобы не оказаться смытым мутным потоком. И хоть ориентируюсь я в темноте весьма неплохо, парнишка мог дать мне в этом деле сто очков вперед. Или он просто маршрут наизусть помнит?

После десяти минут блуждания по канализации, мы свернули в одно из боковых ответвлений, и впереди, наконец, замелькали отблески света. Ощутимо потянуло чадом факелов,

вонью подгоревшей еды и горьковатым запахом дурман-травы, к которой примешивался приторный аромат ведьминой паутины.

Мы поднялись по покосившейся лестнице и оказались в просторном помещении, больше всего напоминавшем подвал заброшенного дома. Под высоким потолком висели гамаки, над огнем в очаге булькал котел с похлебкой, а дальняя часть подземелья была отгорожена ковром с выцветшим рисунком. Освещали помещение факелы, укрепленные в держателях на стенах.

Людей в подвале было немало. Кто-то кашеварил, кто-то дремал в гамаках, а за длинным столом разместились компания обтрепанных подростков, самому старшему из которых не было и полутора десятков лет. Пацаны по очереди прикладывались к кальяну, задерживали дыхание и, немного погодя выпустив длинную струю ароматного дыма, заходились в приступе дикого хохота. Особняком у дальнего края стола вольготно развалились несколько человек постарше.

– Рано ты, Клузо. – Карауливший вход шуплый парнишка увлеченно раскуривал трубку и меня не приметил.

А вот сидевший за углом стола обритый налысо парень в украшенном серебряным шитьем колете и коричневых штанах с кожаными заплатами на коленях оказался куда более наблюдательным.

– Ты кого это, Клузо, привел?

Шитьё колета и тонкого плетения золотая цепь прекрасно сочетались друг с другом, но ещё лучше они смотрелись бы на каком-нибудь зажиточном горожанине, а не на этом крысёныше. И пусть все почтительно зовут его Лордом, пронзительный взгляд желтых глаз, длинный неоднократно ломанный нос и впалые щёки делали парня похожим на злобную крысу. Ну, храни меня тень...

Завизжав, Клузо со всех сил рванулся вперед, но буквально за мгновение до этого я перестал держать его за шиворот, и, не удержавшись на ногах, он растянулся на полу. На это раз в хохоте зашлись даже те, кто к кальяну не прикладывался, серьезным остался только парень в колете.

– Ты кто? Обзовись. – Тонкие пальцы Лорда нервно прошлись по рукояти лежавшего на столе кинжала.

– Меня зовут Кейн, – представился я и слегка поклонился, приложив правую руку к груди так, чтобы указательный и средний пальцы коснулись третьей сверху пуговицы камзола. – Привет тебе, Лорд, от Нежи Громкого из славного города Альме.

– И что на сей раз понадобилось от меня теньям севера? – Лорд указал на скамью рядом с собой, но остался все таким же настороженным и собранным.

Словно почувствовав его настроение, сидевшие за столом парни перетащили кальян в угол к костру, и рядом с предводителем этой шайки остались лишь два человека: невысокий крепыш с длинной косицей, заплетенной за левым ухом, и скорчивший кислую мину красавчик в заношенном камзоле городского стражника, надетом прямо на голое тело.

– Да сущие пустяки. – Я уселся на предложенное мне место, достал из-за обшлага камзола мелкую медную монетку с пробитой гвоздем дыркой и катнул Лорду.

Тот осмотрел заточенное ребро и бросил медяк красавчику:

– Посмотри, Сержио.

– Да что тут смотреть? – Крепыш с косичкой выхватил монету у Сержио и, проведя краем по столешнице, потер пальцем царапину. – Как там Нежи поживает?

– Нормально поживает, что с ним станется. – Я прикрыл рот ладонью и широко зевнул. – Разве что пузо еще больше отъел.

– У него к нам дело? – Красавчик вытащил из ножен прямой кинжал со вставленным в навершие крупным аметистом и принялся вычищать острием из-под ногтей грязь. – Или ты полпобережья проехал, чтобы просто привет передать?

– Обожди, Сержио. – Лорд, на самом деле оказавшийся куда старше, чем решил я сначала, поднял руку и щелкнул пальцами. – Наш гость сейчас сам все расскажет.

Видимо, щелчок был сигналом, и из-за отгороженной одеялами ширмы почти без заминки выскочил растрепанный мальчишка с кувшином вина, следом такой же сопляк тащил поднос с оловянными кружками.

– Угощайся. – Лорд принял протянутую ему кружку и первым отхлебнул вина.

– Благодарю. – Я тоже пригубил рубиновую жидкость и только хмыкнул: не большой ценитель вина, но, думаю, на севере за вот такой кувшинчик вполне можно было выручить полдюжины серебряных шлемов.

– Ты пей, пей, – одним глотком выдув половину вовсе немаленькой кружки, крикнул крепыш. – И рассказывай.

– Карло, не торопи гостя. – Лорд поправил золотую цепь и, прищурившись, потер левое веко. – Ни к чему это.

– Ничего, много времени я у вас не отниму. – Я сделал второй глоток и поставил кружку на стол.

– Ну, время – единственное, чего у нас вдоволь, да только пытаться отнять его дохлый номер. – Сержио понюхал вино в своей кружке и, сморщившись, отставил ее на край стола. – Говори уже, чего Нежи надо.

– Я к Нежи в курьеры не нанимался, – спокойно ответил я, хоть тон красавчика мне совершенно не понравился. И все же придется это проглотить – ссориться с хозяевами подвала неразумно. – Просто, когда мне понадобилось найти одного человека, он по старой памяти посоветовал обратиться к вам.

– Найти человека?! – хрюкнул от смеха Карло и так грохнул кружкой об доски стола, что во все стороны полетели брызги вина. – Что может быть проще?! Геладжио деревенька небольшая, все друг друга знают...

В углу у костра послышались смешки, но хмуро посмотревший на пролитое вино Лорд остался серьезен, и веселье сразу же стихло. Сержио с досадой скривился из-за появившихся на камзоле новых пятен, и начал быстро втыкать острие кинжала меж растопыренных пальцев лежавшей на столе левой кисти. Надо признать, выходило это у него весьма ловко: лезвие так и мелькало, вонзаясь в столешницу каждый раз между другими пальцами. Что самое интересное – смотрел он в это время вовсе не на руку, а мне в глаза.

– Заткнись, Карло. – Лорд почесал подбородок и уставился в потолок. – Кого надо найти?

– Молодая женщина, выглядит лет на двадцать. Волосы черные до плеч, глаза зеленые. Рост около четырех локтей. Может носить мужское платье. На правой руке кольцо с крупным бриллиантом. Серьги с черным жемчугом. Прибыла в Геладжио не раньше седмицы назад. Наверняка остановилась не на постоялом дворе, но в очень надежном месте, возможно, с не самой лучшей репутацией. Днем на людях предпочитает не появляться, выходит в свет по вечерам. Скорее всего, ее представляют как дочь лендлорда из северных марок Полесья.

– Бриллиант как огранен? – непонятно с чего заинтересовался Карло.

– Розой. А что?

– Да так, ничего, – начал выбивать дробь пальцами по столу задумавшийся Лорд. – Мы попробуем ее найти, но это будет непросто.

– Никто и не сомневался. – Если это не удастся Лорду – главе самой крупной шайки малолетних попрошаек и воров Геладжио, то и Плотник, скорее всего, окажется бессилён помочь.

– Имя у нее есть? – Карло отвесил подзатыльник подбежавшему протереть грязной тряпкой стол пацану и перелил вино из кружки Сержио в свою. Увлеченный игрой с кинжалом, тот на это не обратил внимания.

– Последнее известное мне – Катарина Арк-Берг.

– Дворянка?

– Да кто ее знает? – пожал я плечами. – Может, и так...

– Убивать будешь? – вдруг ни с того, ни с сего огорошил меня неожиданным вопросом

Лорд.

– Это важно? – Мне показалось разумным воздержаться от однозначного ответа.

– Просто скажу тогда своим, чтобы не светились.

– Скажи.

– А чего тогда Нежи более серьезных людей не посоветовал? Он же знает – мы с мокрыми делами не связываемся.

– Никто никого пока не убивает. А Гаспара Плотника дома не оказалось.

– Вот оно что, – как-то непонятно протянул Лорд, хотел что-то добавить, но лишь сморщился, отчего его сломанный нос еще больше перекосялся на бок. – Сержио, потолкуй со сборщиками, пусть своих расспросят.

– Я занят. – Лезвие кинжала Сержио ни на мгновение не перестало втыкаться в доски столешницы. – Освобожусь – схожу.

– Ты не занят, ты стол портишь, – пробурчал допивший вино Карло, видимо, забеспокоившийся как бы вместо красавчика не послали его. – Иди давай.

– Ну, значит, как освободишься, потолкуешь, – только хмыкнув, неожиданно легко оставил в покое красавчика Лорд. – Подождешь, Кейн?

– Сколько ждать?

– Пока Сержио сходит, пока пацаны по улицам пробегутся.

– И долго он может так? – кивнул я на красавчика, кинжал которого все так же, перескакивая через пальцы, монотонно втыкался в стол.

– Да хоть до вечера, – обрадовал меня Карло и намотал косичку на указательный палец. – А то и утра.

– Замечательно. – Я попытался посмотреть Сержио в глаза, но тот отвел взгляд, уставившись на свою левую ладонь. Это что, тень их, испытание такое? Ждут, насколько меня хватит? Или Лорд для чего-то время выгадывает? Ну-ну.

Не долго думая, я схватился за ножку стола и резко потянул её на себя:

– А если так?

– Ты... – Красавчик выругался и, выронив кинжал, засунул порезанный палец в рот. – Да я!..

– Сержио. – От тона, каким выдавил из себя это слово Лорд, даже у меня по спине пробежали мурашки, поэтому неудивительно, что вмиг заткнувшийся красавчик, хоть и швырнул подхваченный со стола кинжал в стену, но безропотно отправился выполнять распоряжение главаря. Нетвердо стоявший на ногах подросток, от которого так и шибало кислой вонью «Ангельских слезок», подобрал едва не угодивший ему в голову клинок и поплелся вслед за ним.

– Карло, полуденная касса на тебе. – Главарь шайки попрошаек поднялся из-за стола и окинул взглядом подвал. – Располагайся, Кейн, а у меня дела...

– Благодарю. – Я проводил взглядом отправившегося по своим делам Лорда и повернулся к доставшему стаканчик с игральными костями Карло.

– Сыграем? – предложил тот.

– Почему бы и нет? – не стал отказываться я.

Часы на башне крытого красной черепицей здания городского магистрата еще только начали отбивать три часа пополудни, когда я подошел к неприметному домику, в котором один из попрошаек несколько дней назад приметил подходящую под данное мной описание девушку. Точнее, приметил даже не ее саму, а дорогое кольцо и редкий в здешних местах черный жемчуг. Может, конечно, это и простое совпадение, но как-то не очень верится в такие выверты судьбы.

Надо бы Нежи пару бутылок хорошего вина поставить, порадовать старика: без его советов и помощи Лорда я мог бы и год на поиски впустую потратить.

Не останавливаясь, я прошел мимо нужного дома, свернул на соседнюю улочку и, едва разминувшись с двумя монахами ордена святого Патрика, вышел к городской площади. В кошельке бренчали выигранные у Карло медяки – выигрыш был бы куда больше, не просади я в самом конце игры два серебряных щита, но зато расстались мы вполне по-приятельски. И это хорошо: нужные знакомства никогда не помешают.

Оглядевшись по сторонам, я задумался. Хоть дождь закончился не так давно и почти везде еще бурлили ручьи, в этом районе на брусчатке не было и малейших следов грязи: проживавшие по соседству с магистратом чиновники, портовое начальство и купцы из тех, что побогаче, позаботились об округе и провели нормальную ливневую канализацию. Я с грязными сапогами и промокшими штанами смотрелся здесь несколько неуместно. Тем не менее, дежурившие на площади стражники цепляться не стали – видать, привыкли, что после ливней с удаленных от центра города районов такие вот чучела являются.

Выходившие на площадь фасадами дома поблескивали в лучах выглянувшего из-за туч солнышка начисто вымытыми стеклами окон и начищенной медью флюгеров. Даже с первого взгляда становилось ясно, что поддержание владений в таком состоянии вылетает их хозяевам в весьма кругленькую сумму. Да и по мере удаления от площади двух – и трехэтажные особняки поначалу выглядели ничуть не хуже, но вот дальше...

Как ни удивительно, но всего в пяти минутах ходьбы от главной городской площади расположился квартал с не самой лучшей репутацией. Впрочем, Карло рассказал, что до войны¹³ там селились купцы и аристократы из Норлинга, а в послевоенной неразберихе дома прибрали к рукам те, у кого карманы пухли от шального золота: спекулянты, контрабандисты, удачливые каперы и сделавшие состояния на армейских поставках торговцы-скоробогачи. Не самая респектабельная публика, надо сказать. Да и удача – девица капризная: не всем удалось и в мирной жизни хорошо устроиться.

Купив у коробейника лущенных лесных орехов, я повернул обратно. Ну и что делать? Вломиться внаглую в это безымянное игорное заведение только для «своих»? Или найти укромное местечко и сперва за ним понаблюдать? Лучше, конечно, понаблюдать, вот только укромного местечка здесь днем с огнем не сыщешь, а еще раз мимо пройду, и на меня уже начнут внимание обращать. Не стражники, так торговцы и прочая уличная шушера. А вломиться... Была бы уверенность, что Катарина там – тогда да, а так...

Горячку пороть в таком щекотливом деле резона нет. Тут хорошенько сперва все обмозговать надо, тем более что не известно, по какому делу Катарина туда заходила.

Можно, конечно, забраться втихую: крыша соседнего дома подходит почти вплотную, но, если меня за этим застукают... Тогда либо гребцом на галеры, либо в канал с камнем на шее. Это, смотря кто застукает.

Или все же рискнуть?

Как поступить, что выбрать? Потратить день на разведку или попытаться решить все проблемы с одного наскоку? Ждать или лезть напролом? Первое в этой ситуации было бы без сомнения умнее, но я и так слишком долго ждал. И теперь, когда цель так невыносимо близка...

Усилием воли мне удалось заставить себя выбросить из головы мысли о Катарине, но помогло это мало. Чувствуя, как начинают горячить кровь и дурманить разум ставшее нестерпимым ожидание, ярость и... – и страх? – я вытер вспотевшие ладони о штанины, подошел к усиленной железными полосами двери с узкой прорезью смотровой щели и несколько раз стукнул закрепленным молоточком. Подождал и ударил еще.

¹³ Имеется в виду попытка вернуть в Империю распавшийся в ходе гражданской войны на Запад и Восток Норлинг.

Мне почудился едва слышный шорох, но к двери так никто и не подошел. Неужели прав оказался Карло, предположивший, что днем в заведении никого не будет, и советовавший заглянуть сюда ближе к вечеру? Не знаю, не знаю... Будь кто из obsługi на месте, хоть бы поинтересовался, какого ляда мне надо. А тут – тишина. Шорох? Шорох мог и почудиться.

Почесав взмокший затылок, я отошел от крыльца и зашагал обратно к магистрату. Зайти вечером? Еще чего! Вечером со мной и разговаривать никто не станет – вышвырнут, как кутенка. Да и игроки уже соберутся, а шуметь слишком опасно – казармы городской стражи в десяти минутах ходьбы. Если от вышибал и получится отбиться, стражников на хвост сажать никак нельзя.

На первом же перекрестке я свернул налево, прошел десятка два шагов и, остановившись у забора заднего двора примыкавшего к игорному заведению дома, огляделся. Никого. Быстро протиснувшись в небольшой загаженный закуток между забором и глухой стеной, я выдавил плечом прогнившую от постоянной сырости доску и выбрался в задний дворик, который оказался завален всяким хламом и зарос вымахавшими по колено сорняками. Крупный рыжий кот, сердито фыркнув, желтой молнией взлетел на забор и спрыгнул на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.